

Т Е ВГЕНИЯ ЕТРОЧЕНКО

В ЛЕТОПИСЯХ
НЕ ЗНАЧИТСЯ

Руны любви

Евгения Петроченко

В летописях не значит

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Петроченко Е.

В летописях не значится / Е. Петроченко — «Издательство АСТ»,
2016 — (Руны любви)

ISBN 978-5-17-096921-0

Смешанные земли радушно принимают и эльфов, и демонов, и людей, и гномов, и даже троллей. Разве что пространственных магов они еще не видали, но это недоразумение можно легко исправить. Саша поступает в Академию Магии, но не спешит раскрывать инкогнито, ведь у нее есть цель, рядом с которой меркнут любые развлечения неугомонных адептов. А то, что ради ее достижения придется наказать демона, запутать магистра некромантии, днем и ночью корпеть над летописями и влюбиться по уши, — это всего лишь допустимый ущерб.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096921-0

© Петроченко Е., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

1	6
2	10
3	14
4	19
5	22
6	30
7	33
8	38
9	41
10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Евгения Петроченко

В летописях не значит

*Посвящается моим дорогим родителям, Светлане и Александру,
которые бесконечно в меня верят, и той, которая живет лишь на этих
страницах*

© Е. Петроченко, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

1

Хлопковая поверхность простыни еле ощутимо пахла стиральным порошком, но постепенно этот запах угасал, приглушался, пропитываясь липким потом и солеными слезами. Я сползла с подушки и, свернувшись калачиком, уткнулась в мокрую ткань, не в силах держать эмоции в себе, проливая их на безжизненную материю.

Боль не уходила, и я знала, что она не уйдет. Это только начало. Мне придется учиться жить с этой горечью, с этим осознанием собственного абсолютного бессилия.

Истеричные рыдания медленно сходили на нет, но блаженная пустота внутри не появлялась. Я привыкла, что все проблемы можно если не решить слезами, то хотя бы поумерить накал эмоций. Но это был не тот случай, и женская слабость не приносила облегчения.

Когда вся влага из моих глаз полностью пропитала верх ночной рубашки и простыню, я сделала то, к чему зарекалась прибегать, воззвала к тому, кто в моих системе ценностей и мировоззрении не существовал.

– Боженька, – это детское обращение я применяла, когда маленькая подходила с подружкой к иконе и умоляла, чтобы меня оставили в гостях на ночевку, вопреки воле родителей. – Боженька, я давно уже ничего у тебя не просила, но, пожалуйста, пусть она выздоровеет. Я сделаю все, что ты захочешь, абсолютно все. Забери сколько хочешь лет моей жизни, забери всю мою жизнь, но пусть она будет здорова. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Я, словно безумная, раз за разом обращалась к нему, умоляла его, обещала все, что у меня есть, но, как и у миллионов людей, моя мольба оставалась без ответа. Я разом вспомнила, что не ходила в церковь уже лет десять, что не единожды презрительно высказывалась обо всех верующих, что была уверена, что только я хозяйка своей судьбы и никто, абсолютно никто меня не переубедит в моем мнении. Каждый диалог, каждая вздорная фраза камнем падали мне на сердце, придавливая все ближе к земле, заставляя задыхаться от невозможности забрать свои слова назад.

– Ты же знаешь, я не хотела, я не со зла, – я шептала это одними губами, как заклинание, прижимаясь щекой к мокрой ткани и вглядываясь в темноту. – Прости меня, пожалуйста, прости меня, Боженька.

Иногда я замирала и слушала темноту, не надеясь получить ответ от Него, а иногда пытаясь понять, мерещатся ли мне тихие рыдания или нет. Я боялась, что мама тоже плачет, я мечтала, чтобы хоть она чувствовала себя сейчас немногим лучше, но вынужденно признавала, что, пожалуй, моя боль все же должна уступать ее материнской боли.

Сегодняшний день однозначно будет самым худшим днем моей жизни. И едва появилась эта мысль, как пришло осознание – нет, не будет. Каждый день впереди будет мучением, и однажды все же наступит момент, когда все предыдущее просто померкнет, и тогда я узнаю, что же такое настоящая боль. Сегодня же так, первая ступень, день, когда я не смогла сдержать чувств от получения ужасающих результатов анализов моей сестры, дальше же мне придется забыть о своем «я» и полностью сосредоточиться на том, чтобы последние пару недель ее жизни не были омрачены печальными лицами. Я должна поддерживать ее и маму, я должна не давать воли глупым слезам у них на виду, я должна стать настолько сильной, какой никогда не была прежде. Моя боль – это ничто, мои чувства не имеют значения, есть только она, моя дорогая, и я не могу ее спасти. Поэтому я должна полностью забыть о себе и оставить горестные чувства в этой ночи, полной непроглядной тьмы и отчаянной мольбы.

Я искала забытья во сне, но события пережитого дня вначале не давали сомкнуть глаз, а после стали повторяться, изменяться, взывая к памяти и оживляя лица моих родных, особенно

Оксаны. Ее бледное лицо после выхода от врача, ее глаза, полные непонимания и невозможности принять такую реальность, ее слезы, застывшие в самых уголках глаз.

Я силилась проснуться, я не хотела проходить через это еще раз, я мечтала стереть это из памяти, но мозг не желал отпустить эти образы.

Под утро псевдореальные события ушли из сна, уступив место настоящему кошмару.

Я возвращалась домой с работы. Входная дверь была распахнута, на месте перед гаражом стояла папина машина. Сумах, росший возле дома уже около десяти лет, приветливо шуршал красно-зелеными листьями, выдавая приближение настоящих осенних холодов.

Толкнув калитку, я пересекла двор, затем вошла в дом, позвала маму, потом папу, потом Оксану. Никто не откликнулся, и я обошла дом, направляясь к небольшому огороду, расположившемуся позади. Но до него дойти не успела, замерев на асфальтированном участке перед ним.

Все мои любимые были там, и все они были мертвы. Откуда-то пришла мысль, как это обычно бывает во снах, без каких-либо объяснений, что на них напали грабители и именно они сделали это с моей семьей. Я не видела крови, пулевых ранений или чего-то подобного, но я знала, что их больше нет и что я осталась одна в этом мире.

Это осознание накатило так резко, словно удар током, и все мои мысли перед сном возвратились сокрушительной волной. Боль, которой не должно быть во сне, отчаяние, которое захватило не только сердце, но и разум. Я поняла, что не хочу оставаться в таком мире и одновременно ощутила полный контроль над этой ситуацией и своим телом. Все было словно подернуто дымкой, оставалось смутным, переменчивым, но разум проснулся, силясь освободить меня от разъедающих душу эмоций. Кажется, это называется «управление сном» или что-то в этом роде, но, несмотря на полное осознание нереальности ситуации и своего присутствия в несуществующем мире, в своем собственном подсознании, мне не хотелось здесь больше оставаться. Боль была настоящей, многократно усиленной от потери близких людей, и она не поддавалась контролю разума.

Я должна была отсюда уйти, любым способом, а мне был известен только один выход, как можно покинуть какой-либо мир, – умереть.

Я вернулась в дом, не чувствуя своих ног, словно скользя над землей, движимая только своим сознанием, вошла на кухню, дотянулась до верхнего шкафчика. Коробка с лекарствами была там же, где и в реальности, но надписи на упаковках не читались, зато сами по себе вспыхивали в голове, стоило мне взять тот или иной пузырек или мерцающую алюминиевым блеском пластинку. Найдя нужное, но не зная его названия, просто каким-то чутьем определив, что этот пузырек – именно то, что я искала, я выложила таблетки на ладонь и разом проглотила.

Ничего не происходило, и я опустила на пол, прижавшись спиной к твердой дверце кухонного шкафчика. Я интуитивно знала, что нужно подождать, пока таблетки подействуют в этом неожиданно ставшем реальным сне, но терпение было на исходе, и я как заведенная все сыпала и сыпала их на ладонь, отправляя затем в рот. Эти механические действия помогали отвлечься от все нарастающей боли в груди, а комок в горле был практически физически ощутим.

Постепенно сознание начало затухать, отправляя меня в легкую дремоту, а после погружая в долгожданное забытие.

Резкое, пронзительное ощущение холода накатило на меня в самом буквальном смысле. Я почувствовала, что задыхаюсь, что легкие наполняются ледяной водой, а меня все тянет и тянет вниз. Мыслей не было, разум передал управление рефлексам, моему внутреннему автопилоту, и я инстинктивно забарахталась, стремясь выплыть из глубины, двигаясь в направлении, противоположном силе тяжести. Холод влиял на меня странно, одновременно парализуя

мысли и заставляя действовать единственно верным способом – не открывать глаза, чтобы не вводить в ступор еще один орган чувств, и двигаться вверх.

Мне казалось, что время движется невероятно медленно, но на самом деле хватило нескольких секунд и неожиданно сильных рывков, полных доселе не ощущаемым мной неспящим стремлением к жизни, чтобы оказаться на поверхности. Я глотнула воздуха, разрывая легкие, которые саднили от соленой воды, и закашлялась, вновь уйдя под воду. Но вынырнув вновь, все же открыла глаза и увидела вокруг себя бесконечную синюю гладь моря и чистейшее аквамариновое небо. От шока я не могла думать, лишь замерла в ужасе и непонимании и снова скрылась в толще воды, теряя сознание.

Второе пробуждение произошло так же внезапно, как и первое. Я резко дернулась, взмахнула руками в мощном гребке, готовясь вновь что есть силы стремиться вверх, но рука ударилась о спинку кровати, заставив зашипеть от боли, током пробежавшей вдоль плеча, заставляя открыть глаза, чтобы увидеть перед собой лишь глухую тьму. Я снова закашлялась, выплевывая воду, чувствуя, что вместе с ней скоро выплуну и свои легкие. Горло изнутри словно терли наждачкой, давая волю чьим-то садистским наклонностям, а меня скручивало и выворачивало наизнанку.

Неожиданно раздался стук в стену и обеспокоенный голос мамы:

– Саша, что случилось?

Я на автомате выдумала оправдание, даже не осознавая, насколько нелепо оно звучит посреди ночи:

– Ничего страшного, мам, подавилась просто.

Но мама, видимо, сама была не в себе от переживаний и, вместо обычной дотошной заботы о моем здоровье, лишь немного раздраженно прикрикнула:

– Будь осторожней!

Я почувствовала укол вины. Наверное, она спала, а я своим кашлем ее разбудила, вернув из блаженной пустоты.

Отработанным годами движением я протянула правую руку, нащупывая на стене выключатель, чтобы потом, увидев свою комнату в тусклом свете ночника, вновь ощутить приступ шока.

Вокруг меня по кровати расплзлось мокрое пятно, которое никак не могло образоваться от одних только слез. И даже мелькнувшая стыдная мысль, что это то же, что со мной нередко приключалось по ночам в раннем детстве, так же быстро и исчезла. Я далеко не слон, что можно было бы ожидать при взгляде на размер пятна. Тихий стук капель оповестил меня о том, что пятно не ограничилось только кроватью и теперь вода стекает на пол.

Вся моя ночная рубашка была насквозь мокрой, волосы свисали холодными противными сосульками, саднящее ощущение в горле никак не проходило.

Все произошедшее совершенно не могло быть реальным, но тем не менее неопровержимые доказательства случившегося были передо мной, подо мной и на мне.

Пару минут назад я была где угодно, только не в своей постели.

Я встала с кровати на трясущихся негнущихся ногах и достала из прикроватного столика легкую пижаму, положив на видное место. Затем тихонько вышла из комнаты и прошмыгнула в ванную, где взяла пару махровых полотенец. Вернувшись, принялась вытирать сначала себя, а затем и пол, словно это самое обыденное действие – прятать соленую морскую воду с теплого ламината в пушистое полотенце, а затем тихонько выжимать его в раковину.

Постельное белье я просто скомкала и закинула в ведро под ванной, отодвинув как можно дальше к стене и решив, что утром обязательно простирну, пока мама не видит. Стоило вспомнить о ней, как внутри снова кольнуло и боль нахлынула с новой силой вместе с воспоминаниями о прошедшем дне.

Но я отогнала эти мысли, благо теперь было чем. Мягкий плед, расстеленный поверх толстого ворса ковра, приютил мое окоченевшее тело. Стоило голове коснуться теплой поверхности, как мысли стали быстро тускнеть, а потом и вовсе пропали. Я наконец-то по-настоящему уснула.

2

Утро встретило меня ломотой во всем теле и больным горлом. Первые слова выходили беззвучными, затем получилось хриплое карканье, но после пары кружек горячего чая мне удалось извлечь из своего горла хоть что-то членораздельное. Получив возможность говорить, я даже не обрадовалась. Атмосфера в доме была похоронная.

Когда муж привез сестру к нам домой, мама отвлеклась, а я получила возможность постирать белье без какого-либо надзора. Оно пахло сыростью и на вкус было горько-соленым, и я вновь осознала, что ночью произошло что-то невероятное.

Я мало говорила, хотя, казалось бы, должна пить эти последние минуты и часы с сестрой как амброзию, захлебываясь и моля о добавке, не отвлекаясь ни на что еще, но вопреки всему мне хотелось отвлечься. Мне опять хотелось быть где угодно, только не в этой комнате, чтобы не видеть несчастных и печальных глаз любимых людей.

Я вновь и вновь возвращалась мысленно к произошедшему. Как так получилось? Я вспомнила сон, который предшествовал тому, как я оказалась тонущей в бескрайнем океане. Он был практически реален, но тем не менее не оставалось сомнений, что мои осознанные действия в нем были всего лишь олицетворенными мыслями. Зато море, или океан, было абсолютно реально. При воспоминании о нем холод вновь пробирал до костей, а спазм сжимал горло.

Получалось, что я, если все еще пребываю в своем уме и не свихнулась от горя, а такой вариант определенно не стоило сбрасывать со счетов, каким-то образом переместилась в другое место. Я не хотела быть в том сне, и мое желание осуществилось. Это телепортация? Или я обменялась телом с кем-то утопающим? Что это вообще было? И как такое возможно?

Мысли двигались по замкнутому кругу, не находя логического объяснения, а нелогических, на грани фантастики, была масса. Не получилось прийти к единому выводу, но зато одно я поняла совершенно точно – это произошло. Чем бы это ни было, это случилось, и мне стоит только смириться с невероятным, даже если я не найду ему объяснения.

Поздней ночью, когда все вновь разошлись по своим комнатам, я достала старый учебник географии, сохранившийся еще со школьных времен, надела джинсы и футболку и уселась на пол, чтобы ничего не замочить в удачном случае (или неудачном, это смотря с какой стороны посмотреть). Затем подумала и перенесла настольную лампу поближе к себе, вытянув шнур на максимальную длину.

Небольшой кружок света охватывал только меня и раскрытый на коленях учебник, погружая окружающее пространство во тьму. Я открыла страницу с фотографией Парижа и уставилась на нее, пытаясь вспомнить те самые ощущения из сна. Я представляла себя там, воображала неровные камни мостовой под ногами, ночной прохладный воздух, огоньки Эйфелевой башни вдали.

Спустя долгое время гипнотизирования страницы, я поискала другое изображение. А потом еще. И еще.

Мои попытки оказаться в любом месте из изображенных на страницах не увенчались успехом. Я даже попыталась представить себя на своей собственной кухне, но все равно не сдвинулась с места.

В конце концов мне это надоело. Либо у меня получается перемещаться лишь во сне или исключительно после особо жутких кошмаров. Либо – а такую возможность все же не следовало так быстро отметить – мне все же померещилось произошедшее, а у воды, неожиданно оказавшейся в моей комнате, есть иное объяснение, недоступное моей, казалось бы, весьма богатой фантазии.

Переодевшись в пижаму, я легла спать, запретив себе маяться глупостями. Сон все никак не шел, я перебирала в голове странные события прошлой ночи, и какая-то трусливая часть меня радовалась, что есть что-то еще, способное увлечь мои мысли от реальности.

Я закрыла глаза, вспоминая тот сон. Ощущение, что все самое худшее, что я только могла придумать, произошло. Ощущение, что я не хочу быть здесь. Ощущение, что я не хочу иметь вообще никакого отношения к своей жизни в этом самом месте. Ощущение, что жизнь по капле уходит из тела, погружая в какое-то странное забвение, сродни обескровливанию, только в моем случае – отсутствию жизни.

Это ощущение было настолько реальным, настолько естественным, что я позволила ему повториться вновь.

Вдох – и я лежу на чем-то жестком, больно впивающимся в оголенные лопатки.

Я открыла глаза, увидела над собой голубое небо и ошарашенно замерла. У меня получилось!

Ликование затопило сознание, и я даже некоторое время не чувствовала боли от камней под спиной. Затем ощущения вернулись, и я недовольно поежилась, скосив глаза вбок. И правда камни. Крупные, покатые, они покрывали весь морской берег, упираясь в небольшой пологий холм, практически полностью каменистый с редкими вкраплениями желто-зеленой травы.

Было неожиданно тепло, и я рискнула опустить с камня ноги в воду. А вот она оказалась холодной. Мурашки пробежали по всему телу воспоминанием о ледяном сердце моря, и я резко отдернула ногу. Не знаю, как меня опять занесло к воде, но мне жутко повезло, что та сверхъестественная сила, которая вновь помогла мне убежать из дома, не окунула меня в глубину для бодрости духа.

Я вытянула ноги. Вроде обычные. Вроде мои. Затем взгляд переместился выше, на бело-голубые клетчатые шортики от летней пижамы, а потом я и вовсе догадалась зацепить рукой прядь волос, которые так же, как и на протяжении всей моей жизни, были русо-золотистыми. Жаль, рядом не оказалось зеркала, но что-то подсказывало, что я – это я и теория про обмен телами останется без доказательств. Ну и ладно, я не в обиде.

Поднявшись на ноги и расправив руки, словно крылья, я что есть мочи крикнула «э-ге-гей!», то ли пытаюсь найти кого живого, то ли, напротив, желая удостовериться, что я здесь совершенно одна. Все-таки мой внешний вид не располагал к общению с аборигенами.

Послышался плеск. Я сразу же пожалела о своем желании с кем-либо пообщаться, потому что если я и ожидала общения, то определенно с суши, а не с моря.

В ответ на мои опасения в паре десятков метров от меня вода пошла рябью, затем мелкими волнами, которые становились все больше и больше. А потом из глубины стало появляться нечто большое, серо-зеленое и шарообразное. Вначале это нечто внушало страх лишь размерами, а затем из воды показалась гигантская, в два моих роста, усеянная мелкими зубами пасть.

Не успела я даже сообразить спрыгнуть с камня и попытаться убежать вглубь суши, как чудовище в мгновение ока оказалось передо мной, раззявив рот еще сильнее, хотя, казалось бы, это было невозможно. Я не могла пошевелиться, остолбенело наблюдая за приближающимися смертоносными клинками-зубами, но в последний момент инстинктивно вскинула руки вверх, пытаясь оттолкнуть это существо, вознамерившееся меня проглотить вместе с парой гигантских камней поблизости.

Зажмурилась глазами и внутренне сжавшись, я уже приготовилась к самому страшному, как вдруг раздался громкий щелчок, а затем противный скрежет. И одновременно пришло осознание – я еще жива.

Я все же решила поднять голову и уперлась взглядом в дивное зрелище – чудовище раз за разом кусало воздух, скользило зубами по невидимой преграде, но дальше нее, располагав-

шейся немного выше моих вытянутых рук, продвинуться не могло. Оно попробовало зайти ко мне сбоку, но я панически выставила перед собой руку, и снова эта жуткая рыбина осталась ни с чем.

Присмотревшись, я поняла, что преграда не такая уж и невидимая. Она словно включала в себя в некоторых местах какие-то тонкие нити, заставляющие свет иначе преломляться, так что я все же смогла обозначить ее контур.

Чудище не унималось, и я наконец спрыгнула с камня и убежала вглубь пляжа. Преграда сначала осталась на том же месте, мешая сомкнуть челюсти негостеприимному хозяину этой небольшой бухты, а затем я попыталась мысленно ее растворить. И как бы это странно ни звучало, преграда действительно растворилась в воздухе, возвращая рыбине простор для маневров. Но когда меня не сказалось рядом, она пару раз проплыла рядом с камнями, а затем вновь ушла под воду.

Я посмотрела на свои руки, зачем-то растопырив пальцы. Они были самыми обычными, и щит создавать не могли. Затем вспомнилось, как я его рассеяла мысленно, и это дало какое-то объяснение. Значит, дело не в жестах, а в мыслях.

Я села на очередной камень, но уже как можно дальше от воды, и стала представлять в метре от себя стену. Вот она слегка мерцает, немного проглядывают те самые нити... и у меня снова получилось. Я подобрала несколько камней с земли и попробовала кидать в нее. Они все отскакивали, но уже без звука, словно врезались во что-то, незнакомое с силой трения.

Ответ у меня был один – магия. Это место явно не из моего мира, и тут есть волшебство. И хотя я не чувствую каких-либо силовых потоков или там покалывания в кончиках пальцев, у меня получилось сделать что-то, совершенно невозможное там, откуда я родом.

Я убрала стену и попробовала представить, как один из камней, самый маленький, поднимается ввысь. Но он отказывался подчиняться мыслям. И второй тоже. И третий.

Я подняла руку ладонью вверх и мысленно заставила тонкие огненные потоки сплестись в один, образовав фэнтезийный фаербол. В моей голове вышло очень красиво, а на практике – не очень. Вернее, не вышло вообще ничего.

Мысли о собственном всемогуществе, только успевшие поселиться в голове от слишком легкого образования стены, стали ее быстро покидать.

Я вздохнула и поднялась с камня. Надо бы все же осмотреться.

Мой взор привлек холм, вот откуда вид должен быть обширным, и весь путь на него я то и дело создавала маленькие стены, затем кубы, затем шары, но они, как бы мне того ни хотелось, не двигались, застыв на одном месте пространства, так что приходилось их развеивать.

Путь на вершину был хоть и недалек, но труден. Несмотря на то что камни в основном были крупные и плоские, гладко обточены морем, шла я все-таки босиком, и спустя какое-то время стопы ожидаемо покрылись небольшими мозолями и ссадинами. Однажды я даже остановилась и присела на камни, закрыв глаза, стала вызывать ощущение того, как покидаю это место и перемещаюсь на маячившее перед глазами возвышение. Но попытки опять же не увенчались успехом.

Когда же я, ощутило прихрамывая, добралась до верхушки холма и, окинув взглядом окрестности, обнаружила, что нахожусь на маленьком необитаемом острове с этой недоделанной горой в центре, я даже не удивилась. Прodelать трудный, хоть и не особо длинный, путь и обнаружить, что я одна на всем этом крошечном участке суши, – это не самое страшное, что могло произойти с неудачником вроде меня.

Полюбовавшись с полчаса этим пустынным каменистым пейзажем, я все же нашла камень поудобнее, легла на спину и приготовилась к мгновенному путешествию домой. Стоило мне лишь подцепить краешком сознания знакомое ощущение уходящей жизни, или, как мне теперь казалось, души с ее материальной оболочкой, как оно полностью меня поглотило,

а затем выплюнуло на родную кровать с мягким матрасом и простыней, знакомо пахнувшей стиральным порошком с ароматом весенних цветов.

3

Я замерла, прислушиваясь к своим ощущениям. Одеяло так же укрывает меня сверху, и оно все еще хранит тепло моего тела. Я скосила глаза на прикроватный столик и посмотрела на тусклые цифры, светящиеся на темном экране мобильного телефона. По моему внутреннему времени, на том острове я пробыла недолго, около часа. Но спать я легла немного злая и расстроенная, поэтому мне не было дела до времени. Но, кажется, было около часа или двух ночи. Сейчас же часы показывали 01:47, и либо я вернулась в то же время, что и уснула, либо все же пропала на час. Благо день был тот же.

Эта загадка не давала мне покоя, а что-то внутри подзуживало, тянуло на подвиги. Я отчетливо поняла, что не смогу сомкнуть глаз этой ночью от такого количества впечатлений и невероятных открытий, как уже произошедших, так и ждавших меня впереди. Это новое для меня чувство – азарт – перекрыло все остальные эмоции, оставив глухую боль и отчаяние где-то на задворках сознания. Сейчас у меня была цель, нетерпение первопроходца звало вперед, запрещало останавливаться и даже не давало страху хоть на мгновение завладеть мной. Я чувствовала себя новым Гагариным, Армстронгом или Куком, и тяга к знаниям не позволяла оформиться хоть сколько-нибудь разумным доводам против этой затеи.

Мысли побежали вперед моего тела, подчиняясь одной задаче – не повторить совершенных ошибок. А они были, и самая явная – моя одежда. Мне повезло, что я не встретила никого разумного и никто не стал свидетелем того, как я щеголяла в крайне коротких пижамных шортиках. Но такое не должно больше случиться.

Что же надеть? Что-то удобное и комфортное, способное помочь мне в сложной ситуации, если вдруг придется уносить ноги или пробираться через джунгли? Но удобное в наше время означает спортивные штаны или джинсы, а это, как мне казалось, довольно спорная одежда. А вдруг там женщины не носят брюки? Или, если носят, женщина в мужской одежде равна по статусу воину? Какой же из меня воин с моим метром шестьдесят и худощавым телосложением? В бою я могу только бегать, да и то с такой скоростью, что исход не вызывал никаких сомнений. Интересно, если я умру там, то умру ли я и здесь? Что-то мне подсказывало, что да, и я вполне могла остаться тогда на морском дне или же переместиться на кровать, а с утра бы родители обнаружили на мокрой постели хладный труп утопленницы.

Так, решено, никаких брюк. И, на всякий случай, никаких коротких юбок, потому что не факт, что тогда я не пожалею о том, что не выглядела, как воин. Выглядеть, как девушка легкого поведения, – тоже то еще удовольствие.

Я порылась в шкафу и достала платье, которое надевала на свадьбу сестры год назад. Я была подневестницей, и мне предстояло облачиться в бледно-желтые тона, как и еще четверем подругам Оксаны. Мое платье было длинным, с кружевным верхом, на тонких лямках и с неглубоким вырезом, слегка приоткрывавшим грудь. Юбка из легкого летящего материала, который приятно охлаждал ноги в тот жаркий июньский день, не стесняла движений при танце. К наряду прилагались туфли на высоком каблуке, но, вспоминая сегодняшний подъем на каменистую вершину острова и опасения, что бегать все же придется, я остановилась на простых белых балетках, которых все равно не будет видно под платьем. Главное, чтобы я снова не попала в воду, вот это будет действительно неудачно, не в последнюю очередь из-за испорченного платья.

Я встала перед зеркалом и окинула себя взглядом. Платье было красивым, но, если там меня встретит эпоха Ренессанса или чего-то подобного, оно, естественно, окажется излишне простым. Но ничего лучше и, что не менее важно, длиннее у меня просто нет. Русые волосы под светом электрической лампы отливали золотом, но я не стала их собирать в прическу, оставив свободно спускаться ниже лопаток. Зеленые глаза с расширившимися зрачками воз-

бужденно поблескивали в отражении, и рука тянулась их подкрасить, привести себя в вид, более подобающий такому выходному платью. Но образ моря и ледяной воды стоял перед глазами, и я не была уверена, что наведение красоты не окажется напрасным. Я знаю, что я симпатичная, а ямочки на щеках делали меня милой и придавали более юный вид, который вкупе с моим невысоким ростом превращал в кого-то более легкого и воздушного. Внешность была обманчива, скрывая под собой серьезную девушку двадцати двух лет с непростым характером и непроходящей болью в сердце.

Я посмотрела на свое отражение, потом на экран мобильного телефона, запоминая время. В этот раз решено было не ложиться на кровать, чтобы не оказаться случайно у кого-то под ногами или копытами. Я замерла, закрывая глаза. Теперь то ощущение приходило легче, стоило лишь сосредоточиться, вспомнить его, как оно мгновенно поглотило меня, растворяя без остатка.

Шум оглушил меня. Чей-то грубый и резкий голос зло матерился, другой кричал, срывая свой мощный командный тон на нечеловеческий рык: «Не отступа-а-ать!» Лязг оружия, пыхтение, отвратительный смрад, вбирающий в себя вонь немых тел, пота, навоза и терпкий запах крови. Меня грубо толкнули, вынуждая распахнуть глаза.

Маленькое ущелье посреди высоких и острых шпилей гор было практически полностью забито народом. Живая баррикада из тел, закованных в грязные металлические доспехи, ходила волной, еле сдерживая превосходящий удар противника. Именно оттуда слышался лязг и крики, я же оказалась немного позади, среди хаотичного скопления раненых, больше напоминающих груды покореженного металла.

Приглядевшись, я поняла, что окружена вовсе не людьми, как мне показалось вначале. Издали было не разобрать, кто же внутри доспехов, но немало раненых мужчин с опущенными забралами лежали прямо на каменистой пустоши, ожидая, когда же им окажут помощь, чтобы вновь рвануть в бой. Их лица были в брызгах крови, но общие черты все же определялись: крючковатый и крупный нос, маленькие шустрые глазки, рот с то ли просто крупными зубами, то ли вообще с клыками. Но главным отличием от людей был их рост – все пробегающие мимо, в направлении ущелья, существа доходили мне до плеч или, в редких случаях, до мочек ушей.

Я растерянно озиралась по сторонам и даже начала думать, что невидима, так как никто не обращал на меня хоть сколько-нибудь пристального внимания. Пару раз меня снова задели плечом, на этом доказательства моей материальности закончились.

Из ступора меня вывел тот же командный полурыв-полукрик:

– Эй, ты что тут забыла?

Я обернулась, практически безошибочно определяя обладателя громкого голоса. Его шлем был снят, и я смогла детально рассмотреть грубое лицо, покрытое то ли оспинами, то ли мелкими шрамами, мясистый нос, черные пронзительные глаза под кустистыми бровями и гриву сальных, давно не мытых волос, собранную в растрепанную косу. Он сидел прямо на земле, облокотившись спиной о деревянное колесо сломанной повозки, в то время как такая же грязная и неухоженная лекарка накрепко перевязывала его руку какой-то серой тряпкой.

– Я... – я запнулась, ругая на себя, что не удосужилась придумать хоть какое-то оправдание своему внезапному появлению на поле боя. – Я... случайно... тут появилась. Я не хотела, не знала, что тут такое...

– Колдунья, что ль? – Он недобро прищурился, а у меня перед внутренним взором пронесли образы инквизиции и пылающих костров.

– Нет-нет, что вы, – затараторила я, так и не придумав объяснения, но решив переменить тему. – Я – Александра.

– Добро пожаловать, Лесандра, – процедил он, коверкая мое имя и не выглядя при этом радушным хозяином. – Мое имя Гронд, я тут главный. Не знаю, откуда ты появилась, но убирайся поскорее. Скоро будет жарко, как только они прорвутся.

Гронд кивнул в сторону ущелья, где живая волна теряла силу под мощью атаки противоположной стороны, грозясь обрушиться очередной лавиной покалеченных тел и еще больше ослабить тыл.

– Темная мать, держите оборону! Вы воины или соплюшки малолетние?! – гаркнул главный что есть мочи, заставляя меня подпрыгнуть на месте. Не знаю, что там насчет его боевых качеств, но силища в голосе определенно достойна звания командира. И тут же, противореча себе, намного тише добавил: – Не удержат.

– Что происходит? – Я могла уйти в любой момент, поэтому решила пока не следовать совету раненого существа.

– Беги, девка, совсем дурная, что ль? Неужто тебя Брор протащил тайком в телеге? Не смог в таверне расстаться? Или не доплатил, так ты сама за ним сюда притащилась? – грубо хохотнул Гронд и тут же скривился, когда лекарка особо туго затянула повязку. – Так он вон где, ему сейчас некогда с тобой миловаться, а всех твоих еще за мостом оставили. Таких дураков больше нет, баб в бой брать.

Несмотря на нелестное предположение о роде моей деятельности, мне все же хотелось выяснить у единственного разговорчивого чужеземца о том, что же здесь творится.

– Брор тут ни при чем. Так что здесь случилось? Кто прорывается?

– Ты блаженная, что ль? – сквозь зубы ответил Гронд, поднимаясь при помощи лекарки и облакачиваясь на телегу. – Тролли ломаются, а мы никак не можем ущелье потерять. Тут главные ландовые рудники, при них три деревни большие с оружейными, за нами – столица. Пустим ломак – перережут всех, не говоря уже о том, что торговать нам будет нечем.

Он поковылял вперед, еле передвигая ноги. Несмотря на то что лечили ему только руку, ногам, видимо, тоже досталось. Я отправилась следом за ним, лавируя между встречаемыми по пути ранеными или убитыми. Было совсем не страшно, все напоминало какое-то представление с неоригинальной батальной сценой, и лишь резкие запахи и крики, больно бьющие по барабанным перепонкам, убеждали в реальности происходящего.

Я словно со стороны оценивала ситуацию. Много раненых и убитых. Скорее всего, они не удержат ущелье. Будет еще больше смертей. Будет так же страшно, как в Средние века со всеми их грабежами и насилием. И при этом они на своей земле, в своем праве, но терпят поражение.

Быстрый взгляд на узкую долину между горами. Она не шире двадцати или тридцати метров, а вокруг горы, больше напоминающие частокол, чем место для жизни. Через них не пройти.

– Может, вам помочь? – Мысль оформилась в предложение действия. Я ведь могу, почему бы и нет?

– Ты вообще меч-то держать умеешь? – хмыкнул Гронд. – Удача хоть и отвернулась от нас, но не настолько, чтобы девок в войско брать.

– Считайте, что она к вам повернулась. Я. Правда. Могу. Помочь, – чеканя каждое слово, как можно убедительней сказала я, забегая вперед и преграждая ему дорогу.

Командир вперил в меня пронзительный взгляд, цепко осматривая с ног до головы. Первоначально скептическое выражение лица постепенно сменялось слегка удивленным. Уж не знаю, что в моем облике его убедило, что я все же не девка для развлечений, которых так любил загадочный Брор, но Гронд остановился и спросил:

– И что же ты можешь сделать?

Задумчиво посмотрев на ущелье, я прикинула, что, пожалуй, ту стену смогу поставить без проблем. Единственное, что вызывало опасение, – куча мала в том месте, где мне предстояло совершить чудо. А вдруг кто из «наших» останется по ту сторону? Или, еще хуже, кого-то разрежет пополам в лучших традициях фильмов ужасов?

– Вы можете приказать им отступить?

Гронд задохнулся от возмущения, грубое лицо покраснело, а сжатые кулаки явно свидетельствовали о том, что мое предложение не пришлось ему по душе.

– Я тебе не Брор, ты меня так просто не облапошишь! Тебя тролли подослали, ведьма? Думаешь, будешь мне тут в уши мед заливать, а я свое войско на гибель отправлю? Не дожدهшься! – Он грозно рыкнул и даже начал на меня слегка наступать, вынуждая попятиться.

Но я не теряла надежды совершить сегодня подвиг. Мне ли не знать, как порой хочется чуда? И вот я здесь, готова приступить к его исполнению, а заказчик сопротивляется! Никогда не обладала даром красноречия, фокусов эффектных у меня тоже в запасе нет, чтобы доказать всю серьезность намерений, но убивать кого-то случайно я определенно не собираюсь.

– Гронд, поверь мне. Тебе нечего терять. Ты сам знаешь, что твое войско не сдержит ломак. Либо ты рискнешь и доверишься мне, либо упустишь шанс их остановить. Я не знаю, сколько еще смогу тут пробыть.

Он замер, недоверчиво глядя на меня, и я съежилась под этим пронзительным взглядом сильного и опытного воина.

Кто я такая, чтобы указывать ему? А вдруг у меня не получится? Вдруг тут какие-то другие условия? Вдруг атмосфера или близость тех самых рудников не дадут мне осуществить задуманное? Но я должна рискнуть вместе с ним. Только вот у меня на кону ничего не стоит, кроме возможных угрызений совести.

Что-то в моем облике все же смущало его, заставляя прислушиваться. Гронд хмурился и никак не мог определиться, как же ему поступить.

А затем рука его медленно потянулась за спину, и я отпрянула, ожидая, что он выгачит оттуда меч. Но, вопреки моим опасениям, командир достал грязно-серый витой рог, покрытый засохшими каплями крови, скорее всего, попавшими на него в пылу битвы. Он еще раз коротко взглянул на меня, а потом повернулся в сторону ущелья и что есть мочи подул. Гулкий низкий звук заполнил поле брани, отчего мне показалось, что горы содрогнулись, а земля под ногами слегка завибрировала. Я растерянно взирала на воина, не понимая, что же это означает, когда он оторвался и коротко приказал:

– Действуй.

Его отряд застыл на мгновение, воспринимая призыв к отступлению, а потом довольно шустро начал рассыпаться. Кто бежал в нашу сторону со всех ног, кто отступал спиной вперед, вытягивая меч в сторону врага, который не преминул воспользоваться неожиданно возникшей брешью. Я, выждав совсем немного, представила на том месте образ стены, ее мерцание, вспоминая, как она защищала меня и ничего не пропускала внутрь себя. Она, движимая всего лишь мыслью, тонкой и невероятно прочной пленкой растянулась от одного края ущелья к другому. Я видела, как несколько огромных фигур, вполтину превосходящих размерами отступающих, с размаху врезались в стену и отскочили. На всякий случай мысленно продлила ее метров на двадцать вверх, чтобы уж точно никто не смог пересечь это препятствие.

Часть воинов Гронда быстро сориентировалась в ситуации, хотя удивленные возгласы все же звучали повсеместно, и принялась вновь наступать на ту горстку вражеского войска, которая все же прорвалась вслед за отступившими и оказалась по эту сторону стены. Я насчитала около десятка возвышающихся надо всеми фигур, но, по всей видимости, это не было большой проблемой. На моих глазах их количество стало резко сокращаться. Я отвернулась. Пусть они и далеко, пусть ощущение нереальности происходящего до сих пор меня не покидает, наблюдать за чужой смертью не хотелось.

Гронд взирал на меня с каким-то детским восторгом, слишком странно смотревшимся на его огрубелом лице.

– Никогда не стоит терять надежды, Гронд, – я улыбнулась, хотя эти слова болью отозвались в моем сердце. – Удача любит храбрых.

Я облегченно вздохнула про себя. Доброе дело удалось. Я спасла много жизней сегодня, совершенно случайно оказавшись в нужное время в нужном месте. Этому войску повезло, удача сегодня и правда была на их стороне.

И тут я почувствовала знакомое ощущение. Я его не призывала, но меня словно выдернуло из этого места. Не успев ничего сообразить, я выдохнула.

А вдох сделала уже в своей комнате.

4

Сердце замерло, не в силах поверить в случившееся.

– Черт, черт, черт, – закрыв руками лицо, я бессильно рухнула на кровать, не сдерживая слезы. Они полились, иссушая и без того измученные глаза, и я даже не стала предпринимать попытки их остановить.

Я виновата. Как, как это могло произойти? Почему я оказалась дома? Неужели все-таки какая-то мысль мелькнула на краю моего подсознания, и именно это и выбросило меня оттуда? Хотя какое это теперь имеет значение?

Благое дело совершила, да? В чудотворца решила поиграть? Сжав руками голову, словно это могло остановить обрушившуюся лавину отчаянных мыслей, я взвыла, осознавая содеянное. Люди доверились мне. Я им помогла, дав надежду, краткую надежду, а через несколько минут пропала. Каковы шансы, что стена не пропала вслед за мной? Я же ее создала, а теперь меня там нет. И сотни людей, не верящие своему счастью и отступившие со сложным оружием, все же потеряют ущелье и не смогут сдержать троллей.

Легкая дымка нереалистичности развеялась, я поняла, что заигралась. Нельзя было принимать такое решение. Нельзя шутить в таких ситуациях. Нужно думать головой. Нужно было предусмотреть такую возможность, но я возгордилась от приобретенного дара и в результате накликала смерть на множество живых существ.

Может, еще можно все исправить? Я ведь не пробовала перемещаться в знакомое место, вдруг получится? Вдруг я успею хоть что-то исправить? Если надо, я сколько угодно времени буду сидеть рядом с этой стеной, чтобы никого внутрь не пропустить.

Отчаянная надежда искупить свою вину вернула мне решительность действий. Я быстро отправилась в ванную, умылась, прихватила из кухонного шкафа пару булочек и стеклянную бутылку с молоком из холодильника, так как времени налить обычную воду не было, и в расчете на долгое пребывание у ущелья шагнула в свою комнату, одновременно представляя уже привычное ощущение переноса и знакомое поле.

На меня дохнуло жаром, и, даже не успев еще открыть глаза, я поняла, что ошиблась. Остатки слез мгновенно высохли, резкий обжигающий ветер опалил щеки, бросив в едва открывшиеся глаза горсть песка, словно говоря, что так мне и надо.

Я оказалась посреди пустыни, и повсюду, куда хватало взгляда, простиралось белое сухое море под нависающим глубоким синим небом. Я подняла глаза, всматриваясь в бескрайнюю даль, от которой веяло спокойствием и незыблемостью.

«Простите меня», – вот единственное, что звучало в моей голове.

Я не смогла исправить содеянного и никогда об этом не забуду. Я недостойна этого чистого неба. Я недостойна этой красоты.

На миг мелькнула мысль остаться здесь. Наверняка я не выдержу этой изнуряющей жары, и долгожданное освобождение от горечи и отчаяния, с которыми я уже сроднилась, не заставит себя долго ждать. Это было бы лучшим выходом. Самым легким выходом. Не так давно я произнесла пафосную фразу об удаче и храбрых, но для трусов вроде меня удачи не предусмотрено. Так почему бы не сбежать от этих чувств?

Нет, я так не могу. У меня есть семья. Я должна быть с ними, мама не перенесет две потери сразу. Я должна ее поддерживать, я должна поддерживать Оксану и забыть о себе. Меня нет. Все, что я чувствую, не имеет значения перед тем, что я обязана делать.

Я повернулась на месте, окидывая пустыню последним взглядом, прощаясь с мыслью об освобождении. И замерла. Вдали я отчетливо видела что-то темное, выделявшееся на фоне бескрайних песков и чуждое этому месту.

Не медля ни секунды, я направилась туда, сама не зная зачем. Солнце нещадно палило непокрытую голову, и я прикрыла лоб рукой, создавая хоть какую-то тень. В этом переходе было что-то мазохистское, я практически наслаждалась обжигающими лучами, которые выделялись мне неким наказанием. Мелькнула мысль бросить пакет с провизией, но я тут же себя одернула. Незачем засорять чужой мир, и так натворила дел.

Песок противно шуршал в балетках, надетых на босу ногу, от этого трения появлялись мозоли, приносящие боль. Но я не останавливалась. Моя боль вообще не имеет никакого значения.

Когда я достигла цели, мне показалось, что передо мной груда мусора, какой-то ком одежды, непонятно как здесь оказавшийся. Но неожиданно он пошевелился, повернулся, и на меня взглянули два серых глаза на покрасневшей шелушащейся коже. Лицо этого человека было ничем не скрыто, но изначально я видела только эти сверкающие зеркала в обрамлении дрожащих ресниц. Я загородила ему солнце, и стоило мне отойти в сторону, как он прищурил глаза от яркого света, при этом не сводя их с меня.

Я ахнула. Теперь, не будучи в тени моего тела, его сгорбленная фигура предстала во всей красе, и я поняла, что это ребенок. Маленький мальчик лет семи-восьми, непонятно как оказавшийся в этом гиблом месте. Если я до этого думала, что жизнь просто ужасна, то теперь чувство отчаяния углубилось в тысячу раз. Передо мной умирающий ребенок, оставленный здесь непонятно кем, и я не в силах его спасти.

– Пить... – еле слышно прошелестели его губы, и я, не мешкая, достала молоко и поднесла к его губам. Сначала он никак не реагировал, потом облизнул обожженные губы и вцепился стальной хваткой в мою руку, не давая ее отвести. Мальчик судорожно глотал живительную влагу, кашлял, давился, но, судя по цепким пальцам, его состояние было уже не таким плачевным.

Сделав еще пару глотков, он нехотя отодвинул мою руку, оставив на запястье красный след от своих пальцев. Сел на землю, не сводя с меня немигающего настороженного взгляда. Черный ежик волос делал его похожим на нахохлившегося воробья, и все внутри сжалось от жалости к этому ребенку. Как его могли здесь бросить, он ведь еще такой маленький?

Но вместо слов, проклинающих неизвестно кого, я спросила:

– Ты хочешь есть?

Он кивнул, и я под его пристальным взглядом вытащила две булочки. Как хорошо, что я додумалась их взять!

Мальчишка вгрызся в булку, словно не ел в жизни ничего вкуснее. Я с сомнением и беспокойством смотрела на него, так как помнила советы из школьного курса по основам безопасности жизнедеятельности, что нельзя голодающим давать тяжелую пищу. Но ничего другого у меня с собой не было.

Резкий порыв обжигающего ветра снова кинул в меня горсть песка, заставляя отвернуться. Я ему была благодарна за то, что отвлек. Песок снова попал в глаза, и теперь слезы как будто появились только из-за него. Если бы не тяжелый комок в горле, даже я могла бы в это поверить.

Мальчик закончил есть первую булочку, но ко второй приступать не стал, запасливо пряча в сумку на плече. Помимо сумки, из-за нее выглядывали еще две рукоятки, и у меня в очередной раз сжалось сердце. Оружие?

Поднимаясь на ноги, он слегка пошатнулся, и я незамедлительно придержала его за плечо. Он хмуро зыркнул на меня из-под темных бровей, но не отстранился. Оказалось, что он совсем не намного ниже меня. Наверное, вырастет высоким. Если вырастет.

И тут я это вновь почувствовала. На этот раз ощущение, что меня тянет назад, не было неожиданностью, наверное, в глубине души я его ожидала, поэтому успела уловить мгновение, когда мое сознание помимо воли начало отдаляться.

– Береги себя, – сказала я и порывисто обняла незнакомого мальчишку, попытавшись вложить в это объятие все свои добрые пожелания ему и все душевное тепло, которое я только могла дать. Потому что больше дать мне было нечего.

Оказавшись на пороге родной комнаты с вытянутыми руками, я поняла еще одну вещь об этой своей странной особенности. Людей я с собой захватить не могу.

5

Оставленный ребенок, настороженно взирающий на меня, так и стоял перед глазами. Кажется, за эту ночь я испытала столько эмоций, что их хватит на всю мою будущую жизнь.

Теперь, оказавшись посреди ночной летней прохлады, тело дало о себе знать. Горло, и без того болезненное от купания в ледяной воде, требовало жидкости, грозясь сохнуть и лишит меня дара речи на неопределенное время.

Я налила себе кипяченой воды из графина, потом вышла на улицу. Легкий ветерок закружил ткань юбки, заигрывая с ней, и принес телу долгожданную прохладу. Кожа под его умелыми прикосновениями переставала болеть, и воспоминание об опаляющих лучах постепенно улетучивалось. Я разулась на вымошенном плиткой крыльце, давая свободу ногам, и принялась вытряхивать из балеток песок. Его сразу подхватывал ветер и уносил без следа.

Неожиданная мысль заставила меня броситься назад в комнату. Я ведь засекала время! И в своих переживаниях забыла на него посмотреть. Экран мобильного мне сообщил, что прошло всего лишь тридцать минут. И все они, думается мне, я провела носясь по дому в перерывах между перемещениями. Это что же, получается, я возвращаюсь в тот же самый момент времени, когда пропала? Но при этом со мной все же происходят изменения: горло раздрает от морской воды, кожа горит от жаркого солнца. Наверное, если бы я там провела лет пять, то вернулась бы домой немного постаревшая и изменившаяся. Значит, мое собственное время жизни идет, как и положено, отмеряя секунды до ее логического завершения.

Но новое открытие меня не расстроило. Не хватало еще прожить жизнь удвоенной длины, осознавая, что мои близкие этого лишены.

Сна по-прежнему не было ни в одном глазу. Я вновь надела балетки и упрямо принялась представлять ущелье. Надежды на возвращение практически нет, но это не значит, что я не должна попробовать вновь.

Перемещение, как и всегда, далось легко. Лишь ночные звуки за окном моей комнаты сменились тишиной. Не было ни воды, ни жара, ни лязга железа.

– Ну наконец-то! – взволнованно произнес чей-то голос.

Обернувшись на звук, я увидела мужчину, сидящего за монументальным деревянным столом красного дерева. Он был немного полным, и его и без того круглое лицо казалось похожим на румяный блин. Лысина уже вступила в борьбу с его волосами и одерживала победу. Серые глаза пристально наблюдали за мной, а на губах замерла странная улыбка, то ли предвкусная, то ли просто радостная.

Я оглянулась по сторонам, ожидая увидеть здесь кого-то еще, ведь он же обращался к кому-то. Но мы были вдвоем в этом кабинете, густо уставленном стеллажами с каким-то свитками, книгами, фигурками и странными приспособлениями.

– Вы это мне?

– Тебе, моя долгожданная, тебе, – говоря это, он широко улыбнулся, и весь его вид выражал радостное нетерпение. – Присаживайся.

Мужчина протянул руку, приглашая меня устроиться в кресле напротив. Меня даже заинтриговала эта ситуация. К тому же вокруг действительно не было никого, кто мог бы нести угрозу. А руки хозяина кабинета покоились на лаковой поверхности стола, на котором, кроме странной деревянной свистульки, не лежало ни единого предмета. Я неторопливо приблизилась к креслу, все еще ожидая подвоха, но поза мужчины была спокойна и расслаблена, так что в конечном итоге я присела, раз уж меня ждали.

– Не беспокойся, я не причиню вреда. У меня есть для тебя только деловое предложение, не более того. – Он решил меня успокоить, видя не сходящую с лица настороженность.

– Не знаю, чем я могу быть вам полезна. Вы понятия не имеете, кто я и что умею делать.

– Ты – пространственный маг, и мне этого достаточно. – Он усмехнулся, словно говорил очевидные вещи. Наверное, для него они такими и были. Но не для меня.

– С чего вы взяли?

– Ты откликнулась на зов манка. – Он протянул руку, указывая на единственный лежавший на столе предмет. – А на его зов мог явиться только пространственный маг, да и к тому же твое появление далеко не похоже на выход из портала. Я уж думал, мне Гарреш подделку подsunул, когда ты после первого зова не явилась. Но во второй раз я дунул сильнее. Правда, все равно пришлось подождать.

Его лицо приняло обиженное выражение, словно я действительно была обязана явиться в срок. Не знаю, как там насчет зова, я ничего не почувствовала. Или... почувствовала? Что-то же меня выдернуло оба раза из тех мест, куда я отправлялась? И это определенно не подчинялось моим желаниям.

– И как он действует? – попыталась как можно спокойнее произнести я, сжимая до боли кулаки. Эта злость ни к чему, вряд позвавший меня мужчина знал, чем я там занимаюсь и как сильно была нужна моя помощь.

– Ну... я не маг, а лишь коллекционер, – он виновато развел руками, – поэтому знаю только принцип действия. Я должен дунуть в него, призывая тебя, и ты через какое-то время появишься. Когда еще неопытный пространственный маг пытается переместиться, его можно сбить с пути и призвать к себе. Но придется подождать, так как он может быть в нашем мире, и тогда его выдернет из него, чтобы он оказался в своем родном, а уже в следующий раз, когда он захочет вновь переместиться, его притянет в нужную точку. В первый раз я дунул слишком легко, боялся, что он может грубо подействовать, а мне не хотелось с тобой ссориться. Но пришлось повторить зов по всем правилам. Извини. Я не знаю, что вы чувствуете при этом.

Теперь все встало на свои места. Меня выдернуло с поля боя, но зов был слишком слаб, и я смогла снова произвольно переместиться, оказавшись в итоге в пустыне. Но затем меня выкинуло и оттуда, и теперь я оказалась, наконец, у зовущего. Интересно, он теперь всегда меня призывать будет, как джинна? Хотя вроде бы в своем мире я не чувствовала никакого постороннего влияния, видимо, манок действителен, только когда я нахожусь в некоем межмировом пространстве.

– И что же теперь? Вы меня будете призывать, когда вам заблагорассудится? – Злость в моем голосе все же прорвалась наружу, но особенно испуганным мужчина не выглядел. Скорее, просто обеспокоенным.

– Нет-нет, что ты! – воскликнул он. – Если мы договоримся, я деактивирую манок, и он больше не будет звать тебя. Могу отдать его тебе, если так тебе будет спокойнее, но тогда он лишится магии.

– А если не договоримся? – Этот вопрос меня волновал намного больше. – Вы будете меня призывать раз за разом?

Видимо, такой вариант мужчина не рассматривал, поэтому выглядел слегка растерянным.

– Я все же надеюсь, что договоримся. Я честный... хм... почти честный торговец, но известный коллекционер. У меня есть деньги, сколько нужно, я тебе заплачу. Мне необходимо всего лишь обезопасить свою коллекцию, вот и все. Просто вынь ее из нашего пространства и замкни на мне, я знаю, что вы легко работаете с материей других миров.

А вот это новость. Он про стену, что ли? Но разве ее можно замкнуть? Разве она не исчезнет, когда уйду и я? Слабая надежда возникла в моей душе, и его ответа я ждала уже с замиранием сердца.

– А разве пространственная стена не пропадет, когда я уйду?

– Если ты захочешь, то нет. Я не знаю, как это работает. Ты должна подумать, что она принадлежит мне, что только я и мой сын можем войти в этот зал и что она останется там и после моей смерти. У вас же нет никаких плетений и заклинаний, все на одних мыслях.

Надежда рассыпалась в прах. Ни о чем подобном я не думала тогда точно.

– Хорошо, я сделаю это. Мне не нужны деньги. Только ответы на вопросы... – я замерла, не давая своему сердцу вновь обмануться ложной надеждой, но продолжила: – и совет.

Мужчина улыбнулся и поднялся из-за стола. Он тоже оказался невысок, с меня ростом, но лицо у него было вполне человеческое, так что я постеснялась спрашивать, к какой расе он принадлежит.

– Отлично. Пойдем, нам нужно в другой зал. – Хозяин дома замер в дверях, пропуская меня вперед. – Кстати, я так и не представился, где мои манеры? Меня зовут Гидеон из рода Брор.

Мы вышли в просторный коридор, отделанный светлым мрамором с оранжевыми крапинками. Яркий свет проникал сквозь высокие окна, играя на статуях из светлого камня и отражаясь от гладкой поверхности кадок для цветов. Мне эта обстановка напоминала зал музея, и это лишний раз подтверждало, что Гидеон не соврал о том, что коллекционер.

– Александра Дмитриева, – представилась я и, когда он удивленно поднял брови, пояснила: – Мое имя.

– Сразу понятно, что ты из других мест, – он почему-то улыбнулся и глянул на меня, словно я была несмышленной девочкой. Видимо, по этой же причине он обращался ко мне на «ты».

Мы успели пройти всего с десяток метров, как Гидеон распахнул передо мной огромные деревянные двери, украшенные искусной резьбой, и я оказалась внутри большого зала. Теперь уже сходство с музеем оказалось более наглядным. На стенах висело множество картин, по углам покоились сундуки; статуи, изображавшие разные военные сцены и непонятных, но агрессивных существ, стояли в некотором беспорядке. Несмотря на приличный размер помещения, оно явно не предназначалось для посторонних глаз, больше напоминая хранилище, чем место для хвастовства своей коллекцией. Гидеон был ярким поклонником искусства, но явно не очень любил оружие, так как его здесь было катастрофически мало. От этого я прониклась еще большей симпатией к этому человеку. Пусть он и вызвал меня практически насильно, но только чтобы предложить выполнить услугу и даже готов был за нее расплатиться. А ответы на мои вопросы сейчас нужнее всего.

Под его чутким руководством я прошла вдоль стен, покрывая их непроницаемой пленкой, потом уделила внимание потолку и полу и лишь на выходе замерла у двери. Это оказалось очень просто, но при этом заставило меня почувствовать легкую усталость, которая принесла с собой облегчение. Я знала, что когда-нибудь я должна буду почувствовать последствия от использования сил, и пугалась от кажущейся простоты их применения. Теперь же выяснилось, что, если укрепить стены огромного зала, усталость все же наступает. Это хорошо. Это уже практически нормально.

Гидеон не знал, как дверь должна опознавать его с сыном, поэтому мне пришлось представить, что она реагирует на прикосновение его руки, причем принадлежащей телу, а то знаем мы эти сюжеты с отрубленными конечностями. Такого допускать нельзя. Хозяин позвал сына, такого же невысокого крепыша, чтобы тот тоже приложил руку к двери, и на этом моя работа оказалась окончена. Дверь была покрыта легким мерцанием, и, правда, сын, оказавшийся слабым магом, отметил, что не видит, что зал чем-либо защищен, вообще не ощущает магии любой природы, поэтому действие защиты мы проверяли экспериментально: с помощью огня, непонятных заклинаний и одной из служанок, которой надлежало открыть дверь. Защита выдержала, так что я даже немного собой возгордилась.

Когда же мы возвращались в кабинет, Гидеон приказал служанке принести фруктов и напитков. Он выглядел очень добродушным и довольным и то и дело любовно поглаживал живот. Видимо, хозяин дома был еще и большим ценителем еды, раз один восторг у него переключался с памятью о другом.

Я вновь села на то же самое кресло, а Гидеон опустил в свое. Служанка принесла большое блюдо с множеством разных булочек и кексов с воздушным кремом, покрытых кусочками фруктов и ягод. Хозяин предложил мне вина, но я отказалась, предпочтя ему чай. Он лишь усмехнулся, в очередной раз взглянув на меня как на маленькую девочку. Наверное, у него есть дочери, которым повезло с таким отцом.

– Ну что ж, спрашивай, – произнес он, делая глоток вина из изящного хрустального бокала с золотой каймой.

Я задумалась, не зная с чего начать. Хотя, пожалуй, одна животрепещущая тема все же была.

– Что мне делать с манком? Вы же его мне отдадите?

– Отдам. Я его активировал, когда звал тебя, а сейчас он в состоянии пассивного зова. Только подумай хорошенько, прежде чем забирать его с собой. Насколько я понял, ты только-только обрела свои способности. Ведь так? – Он дождался моего кивка и продолжил: – Если его отключить, то ты снова начнешь скакать по пространству и времени, правда, теперь только будущему, так как он зафиксировал тебя в этом временном промежутке, и в прошлое нашего мира ты больше не вернешься. А так ты хотя бы привязана к какой-то дате. Пока он в пассивном состоянии, ты сначала будешь возвращаться туда, где его оставила, но постепенно выйдешь из-под его воздействия и сможешь перемещаться в любое место нашего времени. Но, естественно, если в него кто-то подует, то ты перенесешься к нему, прямому зову ты никак не воспротивишься.

– А если я его заберу с собой? – этот вопрос не давал мне покоя, но я спросила скорее на всякий случай. Пока что меня полностью устраивала возможность оставить манок где-то в этом мире, чтобы иметь возможность поподробнее его изучить.

– Я не знаю, – развел руки в стороны Гидеон. – Я мало про вас знаю. Но манок сделан с применением магии, а все обрывки сведений, которые я встречал в манускриптах о магах вроде тебя говорят, что магия при проходе между мирами развеивается. Так что манок окажется обычной деревяшкой. Наверное.

– Развеивается? – у меня екнуло в сердце, и в горле снова появился ком горечи. Снова неудача. Я получила чудесную способность, но никак не могу применить ее для своей пользы.

Видимо, что-то такое было написано на моем лице, так как Гидеон нахмурился и даже отставил бокал.

– А что такое? – спросил он. – В твоём мире нет своей магии?

– Нет, насколько мне известно, – ответила я.

Зря, все зря. Что бы я ни делала, на что бы ни надеялась, ничего не выходит.

– Ты хотела пронести сквозь междумирье что-то магическое? – дошло до него.

– Да, – я отвела взгляд и посмотрела в окно.

Верхние листья тополя, росшего прямо напротив, ловили солнечные лучики и мелко трепетали от легкого ветерка. Но мирная картина не приносила мне спокойствия.

– Мне нужно лекарство. От серьезной болезни, но немагического характера. Я все же надеялась, что его можно здесь найти и как-то пронести.

Он с сомнением покачал головой, а затем с задумчивым выражением лица, с длинными паузами произнес:

– Знаешь, я не маг... Но вот тот же манок... как-то же он смог тебя зацепить. Это очень старая вещь, доставшаяся мне по чистой случайности, но все же... он действует. Может быть, если понять, на основе какой магии он сделан, то можно будет ее применить и к лекарству.

Но я не могу тебе в этом помочь. Я лишь пару раз видел в свитках намеки на существ, перемещающихся между мирами, а о манке я знаю только то, что он призывает пространственных магов. Тебе же нужно в магическую библиотеку.

Робкий лучик надежды все же появился в моей душе. Манок... вот теперь я точно тебя никому не отдам! Кто же знал, что от его зова будет хоть что-то полезное.

– Как в нее попасть?

– А вот это уже сложнее. В одном тебе повезло – читать и говорить ты можешь на любом языке, вот уж действительно полезная вещь для мага вроде тебя...

– А что не так с такими магами? – Я даже возмутилась. Меня вот все устраивает, а умение говорить на всех языках этого мира казалось очередным подарком судьбы. И как я раньше этого не поняла? Ведь уже с тремя существами из этого мира говорила!

– Ты не расстраивайся, девочка, – грустно попытался успокоить меня Гидеон, хотя я не видела ни одной причины для подобного тона. – Но вы, помимо того что редкие, так еще и не можете стать настоящими магами. Я и то знаю о вас только потому, что охоч до древностей да редкостей, и уверен, что не всякий высший хоть раз думал покопаться в этом вопросе или вообще хоть что-либо слышал про вас, а даже если бы и думал, то вряд ли нашел бы информацию. Я вот уже всю жизнь прожил, а пока ко мне манок не попал, о вас и не подозревал, на фантазию людскую все списывал. Магия у тебя есть: ты понимаешь разные языки, можешь управлять пространственной материей, которая хороша в защите каких-либо предметов или помещений, но другие проявления магии вам абсолютно не подвластны. Поэтому я даже и не боюсь тебя, вызвал, не привлекая охрану.

Тут он, пожалуй, слукавил. В жизни не поверю, что у него не было запасного плана на случай, если я окажусь буйной. В эту же пространственную коробку я и его могу запереть, если что. Но вот то, что кроме этого я ничего делать не умею и не смогу, не очень-то радует. Но я в любом случае не в обиде, ведь и так обладаю тем, о чем не смела и мечтать прежде.

– Но на всякий случай, – продолжил Гидеон, – не говори никому, кто ты. И не применяй свою магию без необходимости. Мой сын не учился в Академии, а вот высший или даже маг первой-второй ступени, возможно, смогут увидеть твою магию и понять, что ее природа другая. Я не могу предугадать их реакцию. Если тебе нужно что-то в нашем мире, вот мой главный совет – не применяй магию поблизости от них. А уж если кто из них высший магистр, то лучше тебе уносить ноги поскорее.

– Спасибо, – кивнула я. Советы ценить я умею. – Немного не поняла, магистр – это выше или ниже высшего?

– Все-то тебе надо разъяснять, – добродушно ухмыльнулся Гидеон, хватая еще одну булочку. Я же пила только чай, потому что от нервного напряжения ничего бы не могла даже проглотить. – Магистр – это ученая степень, например бывают магистры боевой магии или целительства. А высший или маг какой другой ступени – это указание на уровень силы. Опять же, вот мой сын – претендент шестой ступени, до магистра ему бы надо было пройти еще мастера и бакалавра, но с его уровнем силы не стоит замахиваться на такую глубину знаний. Тут уж выше головы не прыгнешь.

Мужчина говорил настолько интересные вещи, что я даже забыла, что прервала его, не дав ответить на мой же вопрос. Но он важнее. Важнее всего на свете.

– Так как я могу попасть в магическую библиотеку?

– Да никак, наверное. – Он нахмурился, перебирая в уме варианты. – Она же магическая, туда только магам и ход, ну и недоучкам. То есть это здание при Магической Академии, любой учащийся может почитать там книги, но за пределы Академии не вынесет. А ты не маг, в смысле, не такой маг. Естественно, там нет специальности под тебя или хоть каких-то специалистов в твоей области. Если тебе и нужно держаться от чего-то подальше, то именно от Академии.

– И что, совсем нет никакого выхода? – Я даже сама слышала отчаянные нотки в своем голосе, а кружка вместе с рукой мелко затряслась. Я быстро поставила ее на стол, боясь разбить эту красоту. – Вы не представляете, как мне нужно там оказаться!

Гидеон смотрел на меня, сомневаясь. Мне кажется, у него был какой-то вариант на примете, но он не решался его озвучить. Затем, видимо, приняв какое-то решение, позвонил в колокольчик и попросил прибежавшую служанку позвать его сына к нам в кабинет.

Теперь я обратила более пристальное внимание на вошедшего мужчину. Он был очень похож на отца, такой же невысокий, коренастый, только волосы на голове были каштановые, и лысина до них еще не добралась. Несмотря на то что они производили впечатление достаточно обеспеченных людей, мужчина был одет просто: штаны из светлой замши, белая рубашка с неброской золотой вязью, высокие сапоги, связка амулетов на шее. Он вошел и удивленно посмотрел на отца.

– Рамон, посмотри на нашу гостью. Магически посмотри. Можно ли ее проявить? – Он кивнул на меня, так и не представив сыну. Видать, имя у меня действительно странное. Затем он обратился ко мне: – А ты не закрывайся.

Не понимаю, что бы это значило. Но на всякий случай решила не предпринимать никаких действий. Рамон взглянул на меня, чуть прищурившись, и пару минут не отводил взгляда, силясь что-то понять. Возможно, ему не хватало силы, чтобы сделать это побыстрее. Или со мной было что-то не так. В конце концов он нахмурился, его взгляд сменился на неприязненный. Ответ отцу был краток:

– Можно. Будет темной.

И вышел.

– Вот как, – поцокал языком Гидеон, но, в отличие от сына, его отношение ко мне внешне не изменилось. Скорее, теперь я занимала его еще больше. – Тогда выход все же есть. Ты можешь поступить в Академию, но тебе придется проявить свою суть. Тогда ты хоть и не обретешь магию, но темной энергии хватит для работы с магическими материалами. Мало кто на такое решается с такой сутью.

– Это плохо, да? – этот вопрос был практически риторическим. И так все ясно.

– Ну... не очень хорошо, – обтекаемо ответил он. – Иногда люди в определенный момент времени, под влиянием сильных эмоций или важных событий, получают возможность выявить свою суть. Обычный-то человек бывает и плохим, и хорошим одновременно, всего в нем намешано, тьма со светом сменяют друг друга в его душе постоянно. Но при поступлении тебе предложат проявиться, и ты должна будешь это сделать, чтобы научиться хоть с чем-то работать. Только обычно темные не заявляют о себе. А после проявления это будет видеть всякий. Но это не смертельно и не так страшно. Те же магистры тоже проявленные, хотя обычно маги этого избегают.

– Почему?

– Чтобы никто не понимал их сути. На тебе есть отпечаток тьмы, видимый только магам, а они более-менее привычны к этому. Но обычные люди темных не жалуют. А магистры должны расширять свои знания, и им приходится выбирать сторону, чтобы научиться использовать больший спектр заклинаний.

– Значит, все не так страшно. – Я улыбнулась. Новости меня определенно порадовали. В конце концов, какое мне дело, что местные обо мне думают? У меня есть цель, и я не отступлюсь. За этот маленький отголосок надежды я готова заплатить любую цену.

– Набор в Академию будет только через полгода, – продолжил пояснения Гидеон. И снова внутри все ухнуло, ровно до его следующих слов: – Но я могу тебя позвать манком, если ты мне его оставишь. Ты уйдешь, а когда решишь переместиться в следующий раз, услышишь мой зов. Для тебя ведь время не проблема.

Теперь уже я не могла сдержать счастливой улыбки. Все начало складываться! На волне таких приятных новостей появился аппетит, и я даже протянула руку за особенно аппетитным шоколадным кексом. Как много событий успело произойти за эту ночь! И мое приключение только начинается. Почему-то Гидеон не вызывал опасений, я совсем не страшилась оставить ему манок. Наверное, он считал меня очередной диковинкой, о которой нужно позаботиться. И меня это полностью устраивало.

– Я буду вам очень благодарна, если вы так и сделаете. Простите, что утомила вас своими вопросами, но мне придется задать вам еще несколько, – извиняющимся тоном начала я, но после ободряющей улыбки продолжила: – Где я вообще? Тут же не только люди живут?

– Верно, не только. Ты в Смешанных землях, и, как можно догадать по названию, тут живут разные расы, в том числе и потомки смешанных браков. Вот у меня, например, есть примесь гномьей крови. Тут ты можешь встретить много гномов, эльфов, троллей и орков, людей. Даже демоны заглядывают, но очень редко, конечно.

Все эти названия были мне знакомы. Примерно такого я и ожидала, когда осознала, что в этом мире есть магия. А между тем Гидеон продолжал, отрабатывая свою плату на совесть:

– Ты не очень похожа на местную, поэтому лучше будет говорить, что прибыла из какой-нибудь глухой деревеньки на границе с эльфийскими территориями. Это совсем другой конец Смешанных земель. Еще лучше, если там не будет торговых путей. – На этих словах он слегка отклонился в кресле, чтобы найти что-то в верхнем ящике стола. Выудив оттуда сложенный вчетверо лист бумаги, он принялся его внимательно изучать. А затем, найдя искомое, строго мне сказал: – Крewanь. Село в пятидесяти верстах от Дробаса. Запомни: Крewanь. Я не могу дать тебе это записать, так как при переходе чернила развеются, они ведь тоже с помощью магии сделаны. Крewanь.

– Крewanь, – послушно повторила я.

– Как твое имя, напомни? С ним тоже надо что-то делать, – командным тоном потребовал Гидеон. Теперь я видела в нем и купца, который своего не упустит и спуска конкурентам не даст.

– Александра Дмитриева.

– М-да-а... – протянул он. – Что из этого имя? Что род?

– Александра – личное имя. Дмитриева – название рода.

– Александра... Алексан... Алесан. Да, Алесан, это больше похоже на наше имя. Как раз чувствуется отдаленное влияние эльфийского. Если не знать, кто ты, то может показаться, что среди твоих предков были эльфы. Хотя это только если особенно не присматриваться. И не вдумываться.

– Почему? Обычная же вроде, – удивилась я. И тот взгляд гнома на поле боя, а теперь я уверена, что это был именно он, в котором было видно подозрение... Он понимал, что я чужая.

– У тебя волосы светлые, как эльфийские. Но в то же время у них такого оттенка волос нет, уж я-то эльфов повидал немало. Да и кроме странного цвета, нет в тебе больше ничего от них. Уши обычные, глаза тоже, рост маленький, грудь, уж прости за откровенность, есть. Их-то женщины высокие, тонкие, как лоза, и одинаково... мм... плоские во всех местах.

Кажется, я даже немного покраснела. Хотя не так-то просто меня смутить, я-то уж точно не из Средневековья.

– А что с фамилией? Именем рода то есть, – поправила я и напомнила, видя, как Гидеон нахмурился, припоминая чуждое слово: – Дмитриева.

– Дмитриева... – Он посмаковал это слово и скривился от непривычного звучания. – Дмитр... Митриев... Митра... Митрэ. Точно, Митрэ. Будешь Алесан Митрэ.

Он победно улыбнулся. Алесан Митрэ... Придется к этому привыкать. Хотя бы отдаленно похоже на мое имя, вряд ли забуду. Даже есть в нем что-то приятное и певучее.

– А что с документами? Как мне подтвердить свою личность?

Гидеон удивился моему вопросу и после краткого замешательства ответил:

– Не знаю, зачем тебе документы. У нас, если нужно кого-то найти, делают слепок ауры.

Он и является твоим... документом.

Я кивнула и замолчала. Самые важные вопросы закончились. Все, что он знал о магии, вроде бы рассказал. Даже с именем помог. За эту информацию не жалко и сотню хранилищ укрепить.

– Спасибо, – сказала я от души. – Вы мне очень помогли. Пожалуйста, позовите меня в манок во время набора. Если надо, я снова выполню для вас работу. Или для ваших друзей. Или еще для кого. Мне понадобятся деньги.

– Об этом не беспокойся. Позову и денег дам. – Он улыбнулся, видя мое удивленное лицо, и пояснил свою доброту: – Милая Алесан, я очень люблю редкие вещи и редких людей. Поверь, помощь тебе в этой истории будет для меня необыкновенным удовольствием. И если во время учебы в Академии ты не забудешь старого Гидеона и будешь заглядывать на чай, чтобы поделиться новостями, я буду просто счастлив.

– Спасибо, – сказала я еще раз, преисполняясь огромной благодарностью к этому человеку.

А затем ушла, в кои-то веки с надеждой в душе.

6

Очувившись в своей комнате, я честно планировала поспать и с новыми силами браться за ответственное дело. Но что-то внутри зудело, запрещало делать себе хоть какие-то послабления, когда появился шанс найти лекарство и избавиться от этой боли потери семью. Надежда теплилась в душе, подпитываемая горячим чаем.

Я осматривала кухню, прощаясь с ней, не зная, когда смогу вернуться. Кто знает, сколько это займет времени? Я постараюсь найти ответ как можно быстрее, но и спешить не стоит. Возможно, я месяцами не буду появляться в доме, раз окажусь в Академии. Не стоит там применять мою магию. Даже призрачная вероятность, что меня могут поймать, уже говорит о том, что я должна быть крайне осторожна. Никаких оплошностей, никаких непродуманных шагов, никакого отклонения от цели. Я должна забыть обо всем, перестать быть такой мягкой и впечатлительной и научиться быть расчетливой. Больше я не имею права на слабости, слишком уж высока цена проигрыша.

Так я и накручивала себя, пока не поняла, что не смогу сегодня заснуть. Хотелось бы увидеть родителей, попрощаться перед долгой разлукой, но тянуть до утра не было никаких сил. И хотя время отправления не имело никакого значения, натянутая струна внутри все никак не хотела ослабнуть. Я должна попытаться, прямо сейчас. Я не смогу жить, зная, что потеряла свой шанс даже из-за какой-то секунды сентиментальности.

Войдя в комнату, я застыла возле кровати, оглядываясь. И поняла, что не знаю, что можно с собой взять. Наверняка же пластика у них нет, да и большинство принадлежностей сделано с помощью механики. В итоге я только откопала в дальнем ящике стола простую деревянную расческу, купленную на какой-то псевдоисторической ярмарке, и не смогла отказать себе в удовольствии взять пару комплектов максимально простого нижнего белья. Жаль, что вся косметика в пластмассовых коробочках, но это и несущественно. Придется забыть о своей женской сущности, желании нравиться и быть привлекательной. Наоборот, теперь какое-либо привлечение внимания к себе может оказаться роковым, и так выгляжу как чужачка.

Вдох. И вот я снова в том же кабинете, а его хозяин, благодушно улыбаясь, держит в руке манок.

– Здравствуйте, Ги... мистер... нет... Как к вам обращаться? – несколько умоляюще спросила я.

– Обычно меня зовут господин Брор, – пояснил Гидеон. Что-то мне напоминала его фамилия, но неважно. Сейчас не до таких мелочей.

– Здравствуйте, господин Брор, – повторила я. – У вас принято обращаться к людям со словом «господин»? Простите, что с порога засыпаю вас вопросами.

– Ничего, – засмеялся он и махнул рукой. – Я к этому готов. За полгода много о чем успел подумать и выяснить кое-какие мелочи об обучении в Академии. Это будет занятно.

Мне это казалось скорее страшным и опасным, но и его тоже можно понять. Почтенный торговец, заядлый коллекционер, наверняка скучающий, но при этом сам лично не планирующий ввязываться в авантюры. Он лучше понаблюдает, поддержит, направит, а потом послушает занимательную историю.

– Так вот, – продолжил Гидеон, – к немагам и незнакомым людям желательно обращаться «господин» и «госпожа», к магам – в зависимости от ученого звания, то есть «магистр», «мастер», «бакалавр», к студентам Академии – «адепт». А другие обращения тебе ни к чему, вряд ли ты выберешься за пределы Смешанных земель.

Я замерла. Теперь я оказалась лицом к лицу не с гипотетической целью, а с действительностью. Прямо сейчас мне нужно куда-то идти и что-то делать. В совершенно незнакомом мире. Среди неизвестных людей и нелюдей, с их порядками и обычаями, где даже обращение к

кому-либо вызывает затруднения. Какие они? Как общаться с магами? Насколько они опасны? Это в книгах да фильмах маги – предел мечтаний наивной героини, а вот она я и вот они, совсем рядом, я их скоро встречу, и мне чертовски страшно. Наделенные неподвластной мне силой, практически всемогущие в понимании человека моего мира... Каково это – жить среди них? Как их можно не бояться? Да у меня даже при мысли о них сердце тревожно трепыхается, аритмия усугубляет чувство страха, делая его не основанным на эмоциях, а ощущаемым физически дрожью в груди.

– Да, вряд ли я рискну путешествовать по здешним окрестностям. Вы не против, если манок так и останется у вас? Я постараюсь не исчезать из Академии, а если и придется, то только в самом крайнем случае. Тогда уж лучше и не возвращаться на место исчезновения, не колебать лишний раз фон.

– Конечно, милая Алесан. – Хозяин встал из-за стола и подошел к двери. – Пойдем вниз, у новой служанки должно быть что-нибудь переодеться для тебя. Твое платье, конечно... интересное, но тебе не стоит сейчас привлекать внимание, верно?

Я кивнула, радуясь, что его мысли созвучны моим. Затем мы отправились на первый этаж по знакомому коридору. Весь дом был выдержан в том же стиле, ассоциировавшимся у меня с музейными интерьерами, и даже коридор в той части, где обитали слуги. Только вот их комнаты выбивались из общего роскошно-холодного убранства. Служанка оказалась вовсе не молодой, но с налетом гномьей крови, отчего была невысокого роста. Она отдала мне простое платье из серо-коричневого хлопка, без корсета, которого я несколько опасалась, и каких-либо декоративных деталей. Оно мне было немного велико в талии, но ремень просить я не стала. Размер ноги у нее оказался больше моего, так что пришлось потревожить еще трех служанок, прежде чем я нашла подходящую обувь, а все из-за того, что стопа у меня довольно маленькая. Но примесь гномьей крови у другой горничной отразилась на размере ноги, так что в итоге мне повезло. Ботинки оказались грубоваты, из твердой коричневой кожи, но меня заверили, что натирать они не должны, так как изначально куплены были для работы в поле, поэтому их предварительно обработали магически у торговца.

Также мне выделили длинный, но узкий платок из того же хлопка, который я свернула и повязала на волосы в виде ободка. Никто из увиденных мною служанок, к слову сказать, первых особей женского пола, встреченных мною в межмировых переносах, не носил волосы распущенными. Я заметила косу, обвязанную вокруг овала лица, обычную косу, перевязанную лентой не только на кончике, но и вдоль всего плетения, пучок, опять же обрамленный двумя маленькими косами, и простой конский хвост у одной грубой служанки, слишком высокой и крепкой, чтобы быть человеком. На мои волосы никто внимания не обратил, видимо, для выявления этого несоответствия действительно нужно было задуматься.

Гидеон бросил служанкам по монете, а затем вручил мне маленький мешочек с деньгами, где было много медных и серебряных кругляшей. Он также пояснил, что если я поступлю, то на следующий день должна к нему приехать, и он меня сводит в свою лавку, чтобы купить хоть немного нормальной одежды, но пока это не имеет смысла.

И пока мы спускались с высокого крыльца этого гигантского дома из белого камня, у меня возник закономерный вопрос, который, по идее, следовало бы задать намного раньше:

– А я не слишком... старая для поступления? Мне всегда казалось, что обучение должно начинаться в более раннем возрасте. Да и ваш сын, он же маг уже, но не так уж и старше меня...

– Рамон не учился в Академии, – пояснил торговец и остановился у кованой калитки, наблюдая, как возница возится с лошаадьми. – Ох, а ведь и правда для тебя это непонятно. Сын обучался только у наставника, а так как способностей у него особых нет, он не стал поступать, чего время тратить?

– Так можно и не поступать никуда?

– Тебе – нет, а магам – да. Помнишь, я тебе рассказывал про силу, темную или светлую, которую можно получить при поступлении, но не имеющую ничего общего с магией? – Он удовлетворенно покачал головой, когда я кивнула. – Так вот, к вопросу о твоём возрасте. Прийти-то поступать без дара могут многие, да вот поступают только единицы. Ты вот сама подумай, какой же темный или светлый человек в семь или пятнадцать лет? Это же не просто ты соседку со злобы проклял или бабке помог тканхеров изловить в сарае. Люди меняются каждую секунду, тут нужно какое-то важное событие, что-то переломное, чтобы кардинально повлияло на суть. А молодежи-то что надо? По беседкам зажиматься да наряды покупать, какое тут определение сути? Там ничего и не проявится, и пошлют их обратно мамке помогать. До старости, бывает, доходит, а суть и не ясна. Вот у эльфов чистокровных просто – светлые. Демоны, опять же только чистокровные, – темные. У гномов, как и у людей, с сутью неясно все. Вот мужик, бывало, войну пройдет, вернется и темным станет, да к тому времени у него уже жинка да детки, какая тут Академия? Так что мало таких, вроде тебя, ты еще небось самая мелкая на потоке будешь. Редко раньше двадцати что-то может проявиться.

– А с магами что? Я вот такая великовозрастная учиться буду, а они мелкие все?

Гидеон так на меня посмотрел, словно я чушь несусветную спорю, и засмеялся так заливисто. Чистый смех у него, звонкий, так и не скажешь, что пожилой уже.

– Ой не могу, ну ты скажешь... ха-ха... во дала. – Он даже рукой за столб калитки взялся, чтобы не согнуться пополам от смеха. – Кто ж магам-то мелким магию даст? Они как в животе у мамы начинают светиться, так и сразу ясно – быть ребенку магом. А дети, малые да неразумные, не умеющие контролировать силу, – это страшно. Вот как они появляются, городской маг приходит и магию блокирует. До совершеннолетия они и живут, как обычные дети, учатся своими силами обходиться да не смотреть свысока на сверстников, ведь сила-то – она хитрая, когда у тебя есть, а у другого нет, к вседозволенности приводит да к горделивости сверх всякой меры. А так они пообвыкнутся, поймут, каково людям без дара живется, переждут возраст, когда в голове только девки и вертятся, потом получают силу и наставника. Тот с ними возится, учит всякому по мелочи, и после двадцати трех можно пробовать поступать. Но и тут не у всех получается, часто потом доучиваться приходится и снова и снова приходиться. Так что ты не переживай, милая. Да и я, старый дурак, вот уж о многом подумал, а такие обычные вещи рассказать и забыл.

– Если бы вас вообще не было, я бы так ничего и не узнала. Спасибо, вы не представляется, как мне помогаете. – Я была готова благодарить его вечно, да только он руками махать начал, отнекиваясь, и возницу подозвал. А как меня посадили в открытую повозку, лошадьми запряженную, мне уже ни до чего было. Я только и успела, опомнившись спустя какое-то время, прокричать: «Спасибо-о-о».

7

Город принял меня равнодушно. Люди и нелюди спешили по своим делам, не обращая ни на кого внимания. Я же как истинная представительница женского пола в первую очередь обратила внимание не на архитектуру, а на одежду горожанок.

Девушки и женщины вполне ожидаемо ходили в длинных платьях, кое-кто с некоторым подобием корсетов, но многие и без них. Должно быть, это необязательный атрибут гардероба. Распущенные волосы все же встречались, хоть и редко, но все они принадлежали высоким и длинноволосым девушкам с водопадом светло-серебристых или иссиня-черных волос. Мне почему-то показалось, что это были эльфийки, очень уж большие и странные глаза у них были.

Однако и в брюках женщины встречались пару раз. Форменная одежда, рукоять меча, штаны, заправленные в высокие сапоги, – все это говорило о том, что они принадлежат либо к военным, либо к магичкам. Мне почему-то казалось, что именно магички должны быть достаточно самоуверенны, чтобы надеть такое.

После составления беглого впечатления о здешней женской моде я наконец обратила внимание на дома. А посмотреть было на что! Больше всего местная архитектура походила на плод работы неопытного дизайнера, ибо такое смешение стилей даже представить трудно. Изящные светлые домики с коваными воротами и увитыми густой растительностью балюстрадами соседствовали с массивными каменными строениями в лучших традициях крепостных замков, затем из ниоткуда появлялись невысокие круглые домики, а их сменяли добротные деревянные двух- и трехэтажные здания со ставнями и высоким крыльцом. Вспомнился дом господина Брора – вот уж самый космополитный вариант.

Мы проехали рынок с шумными торговцами и снующим народом, небольшое светлое кафе с множеством кадок с цветами на входе и в витринах под названием «Чайная госпожи Фаленоль», куда я решила непременно заскочить, если появится свободная минутка, любопытную лавку с двумя кольцами на вывеске, наводящую на мысль о молодоженах, но с разными бытовыми предметами в глубине. Было столько всего интересного, но в то же время я чувствовала некий налет человечности во всем. Мир отличался, но не настолько, чтобы быть абсолютно чужим. Много знакомого, пусть и не всегда относящегося к моему времени, заставило меня почувствовать теплоту к этому немного нелепому, но весьма уютному городу.

Мы выехали на окраину, и я увидела ее перед собой. Мою тюрьму, крепость, которую мне надо будет осаждать несколько месяцев, а то и лет, – Академию. Массивные железные ворота с искусным изображением схватки двух драконов были приветливо распахнуты. Длинная дорога вела к высокому и продолговатому зданию с двумя круглыми башнями по бокам. А от прямой дороги расходились, словно нити паутины, мощенные серым камнем тропинки. Они скользили среди немного жухлого и вытоптанного газона к разномастным зданиям по бокам.

Справа от забора располагался пятиэтажный корпус из светлого камня. Колонны крепко держали над широким крыльцом выступающую вперед полукруглую крышу, а увенчивала ее статуя из белого камня, изображающая старца в светлых одеждах, с бородой, посохом и большой сумкой. Вокруг него трава была зеленой, а высокие кустарники все еще цвели красными, желтыми и голубыми цветами.

По той же стороне располагалось очень высокое и узкое здание из темного камня с тремя башенками. У крыльца возвышался такой же длинный и сухощавый мужчина из такого же темного камня, держащий в руках перед собой шарообразный небесный свод, который на солнце переливался золотыми вкраплениями звезд.

Слева от забора, напротив светлого корпуса, располагалось крайне массивное здание из грубого камня, больше напоминающее военную крепость, чем учебное заведение. Оно выгля-

дело очень просто и в то же время угрожающе. И статуй рядом не было никаких. Позади него виделось огромное поле вытоптанной земли, огороженное чем-то мерцающим.

Между этим мрачным зданием и главным корпусом, к которому и вела прямая и наиболее широкая дорога, располагалось еще одно, самое странное из всех. Гладкий коричневый камень облицовывал весь его фасад с обилием балкончиков, башенок, непонятных выступов и переходов, а перед ним на вычурном постаменте возвышалась статуя коренастого мужчины в необычных, вытянутых вперед очках, пристально разглядывающего меч в вытянутых руках. Сочетание меча и очков меня крайне удивило, но, буду надеяться, позже я узнаю больше об этом корпусе.

Позади этих четырех строений находились какие-то мелкие постройки, которые я не смогла рассмотреть, так как каждый из стоящих по бокам корпусов больше напоминал средних размеров замок и оттягивал внимание на себя. Хорошо хоть, строители придумали сделать их немного вытянутыми, но не вдоль главной дороги, поэтому об их истинных размерах мне предстояло только догадываться.

Людей, к моему удивлению, было немного. Наверное, потому, что было уже далеко за полдень. Я почему-то думала, что отправлюсь сюда как можно раньше, но Гидеон рассудил иначе и позвал позже. Наверное, чтобы меньше привлекать внимание магов и не попадать в общую толкучку.

Страх – вот единственное слово, описывающее мое состояние. Казалось, до этого я прыгала во времени, особенно не задумываясь о сохранности своей жизни, но теперь это перестало быть простым развлечением. Нужно быть осторожной и не допускать ошибок. Но как сосредоточиться, когда с каждым шагом приближения к главному корпусу у меня замирает сердце?

Возле него стояла большая толпа адептов, которые громко и шумно переговаривались. Один, высокий медноволосый маг в ярко-красном плаще, который, как мне казалось, был слишком вычурным даже для этого мира, играючи перекидывал отливающий синевой шар из одной руки в другую. Он что-то очень громко рассказывал, и, подойдя ближе, я уловила:

– ...Несется прямо на мастера Пиареля, тот только губами шевелит, не знаю, что он там плел. Я жахнул по упырю этому рубиновым силком...

– Прямо-таки силком, ты что, весь обвешанный амулетами был? Разве твоего плетенщика не отправили в лавку к Тробосу? – скептически вклинилась в монолог крупная и высокая магичка. – Или ты до этого всю практику не колдовал, резерв копил?

– Все-то тебе надо знать. Был у меня амулет, – отмахнулся от нее маг, но не стал пояснять, откуда же он его получил. – Пиарель там и рухнул, его эхом зацепило, потом в лазарете провалялся месяц. А безо всяких надсмотрщиков отдых ку-у-да увлекательней выходит.

Послышался еще один взрыв гогота, на этот раз преимущественно от мужской половины собравшихся.

Я старалась не смотреть на эту компанию, но стоило мне подойти, как тема разговора сменилась:

– Еще одна...

– Не маг, – чье-то презрительное.

– Понаберут деревенщин, – возмущенный шепоток.

Делая вид, что их не слышу, я приближаюсь все ближе и ближе, стараясь ничем не выдать своего страха и не ускорять шаг, как вдруг буквально в полуметре от моих ног в землю врезается молния. Тонкая, ветвистая, нестерпимо яркая. На миг ослепляет, против воли вырывая из груди испуганный вскрик. Я отпрыгиваю назад, и тут в заложенные уши, причем исключительно от шока, постепенно начинает проникать хохот. Бросив косой взгляд на шутников, я, позабыв о гордости, взбегаю вверх по ступеням и прячусь за неприветливыми дверьми.

В холле замираю, пытаюсь утихомирить взбунтовавшееся сердце. Боже, как тут вообще учиться? Пять минут на территории Академии, а сердце уже в пятках и выбираться оттуда

в ближайшее время не планирует. Дыхание сбилось, я глотаю ртом воздух, как тогда, после подъема с глубины моря, упираю руки в колени, ища в них поддержку. Передо мной только что сверкнула молния. Причем это была не случайная воля природной стихии, а чья-то злая шутка. О таком у нас люди рассказывают как о ситуации, когда их жизнь была на волосок от смерти, и надеются, что это никогда больше не повторится. Они запивают испуг алкоголем и травят пьяные байки, а ты слушаешь и думаешь: «Вот бывает же такое!» Но сам увидеть подобное боишься, опасаясь умереть от разрыва сердца. Вот и меня только что чуть не коснулась чертова молния. Ха-ха, прекрасная шутка, до слез рассмешила.

Слезы и правда появились, несмелые, они застыли в уголках глаз. Я вытерла их рукавом и резко выпрямилась.

Просторный, но довольно-таки мрачный холл. Стены не оштукатурены, серый камень неровными буграми выпирает. Его скрывают лишь несколько гигантских вышитых гобеленов со сценами магических битв. Солнечный свет сюда не проникает, зато широкие проемы ведут куда-то вглубь, расходясь во все стороны от центрального зала. По центру располагается широкая каменная лестница довольно грубой отделки. Справа на стене я замечаю странное полотно. При ближайшем рассмотрении оно оказывается расписанием занятий с указанием корпусов и аудиторий, причем все надписи вышиты нитками разного цвета. Нет сомнений, что это не ручная работа, а магическая, потому что некоторые нити еще и светятся.

Но я не успеваю вчитаться, так как перед ним стоят составленные в ряд три деревянные парты, за которыми сидят трое и не сводят с меня пристального взгляда. Затем один из них, молодой парень в вышитой серебром зеленой мантии, торжественно произносит:

– Добро пожаловать, искательница знаний и силы! Я вижу, что вы не маг. Подойдите ко мне, и я проверю, можно ли проявить вашу силу.

Безропотно подхожу к нему поближе. Он впивается в меня цепким взглядом и с минуту не отводит глаз. Затем говорит:

– Ваша суть может быть выявлена. Пожалуйте туда, вторая дверь справа.

Он машет рукой в сторону одного из коридоров, я киваю и покорно иду дальше, следуя его указаниям.

За нужной дверью обнаруживается поточная аудитория. Деревянные парты из темно-красного дерева стоят полукругом, в центре располагается небольшое возвышение, где за столом сидит пожилая магиня. Черные, густо покрытые сединой волосы собраны в пучок, тонкие губы поджаты, между бровей залегли несколько особенно глубоких морщин. Лицо у нее маленькое, с резко очерченными скулами, а глаза темные, немного восточные. Она быстро строчит что-то на длинном свитке, не обращая ни на что внимания. Это и неудивительно, в аудитории кроме нее никого нет.

Но стоит мне подойти ближе, как магиня резко вскидывает голову и впивается в меня взглядом. Она напоминает хищную птицу, и под прицелом ее немигающих глаз я на нетвердых ногах подхожу к столу.

– Добрый день. Меня зовут Алесан Митрэ. Я хочу поступить в Академию, – произношу одеревеневшими губами я. Это единственные слова, которые я могу сказать о себе.

– Мастер Тханэш, – кивает она в ответ. – Я вижу, что вы можете стать темной, однако для зачисления вас в Академию мне необходимо удостовериться, что вы владеете элементарными навыками письма и счета. Заполните свиток, но не засиживайтесь.

С этими словами она протягивает мне один из множества свитков, стоящих в деревянной корзине возле стола, и прозрачный стержень.

Отходить подальше от выхода я особого смысла не вижу, поэтому устраиваюсь совсем недалеко от нее, предвидя провал. Пусть со счетом у меня вряд ли есть проблемы, но как быть с письмом? Даже если я и прочитаю что-то, написать ответ вряд ли смогу.

Но на раздумья времени нет. Стоит мне развернуть абсолютно пустой свиток, как в голове раздается обезличенный голос: «Приготовьтесь писать под диктовку». Я судорожно хватаю стержень, мимоходом замечаю внутри тонкую темную струйку чего-то туманного и начинаю писать: «Тренировочные игры третьего квартала озаглавились применением запрещенного заклинания...» Из-под стержня выходит русское письмо, но стоит мне отвести взгляд и не пытаться понять смысл слов, как я вижу странную вязь, более всего напоминающую арабский язык. Разве что пишу я слева направо. Это странно, но времени на раздумья нет. Впрочем, я написала лишь строчек десять, как голос сообщает, что с этой частью задания покончено.

Затем на бумаге проявляется десяток простеньких задач уровня пятого класса, и я довольно быстро вписываю в нужную строку ответ.

А потом мне сообщают, что я могу сдавать работу. Не думая ни о чем, вновь подхожу к женщине. Она молчаливо просматривает свиток, водя кончиком стержня по строкам, периодически кивает, а затем говорит:

– Все верно, достаточно читабельно, хотя написание у вас все же странное. Совсем недавно научились держать перо?

– Д-да, – замешкавшись, отвечаю я. Что ж, вполне ожидаемо, что мои буквы немного не такие, как должны быть. Хорошо, что я вообще каким-то образом могу их писать.

– Похвальное стремление. Постарайтесь продолжать в том же духе и в дальнейшем. А теперь прикоснитесь к этому шару двумя руками и, не отрывая их, вспомните то, что заставило вас выбрать вашу сторону силы.

Мастер Тханэш выдвигает вперед крупный прозрачный шар на каменной подставке, и я послушно обхватываю его ладонями.

Воспоминания все так же яркие и живы. Я знаю, почему я темная, я поняла это сразу, как только сын господина Брора разглядел во мне тьму. Перед глазами вновь встала сцена сражения, храбрый капитан, надежда в его глазах, огромные тролли... Я представила, как они разрывают бравое гномье племя, едва лишь стена развеивается. Покореженные доспехи, оторванные головы, лужи тягучей бордовой крови... Пусть меня там не было, но это не отменяет моего преступления. Кажется, в моем мире это называется непреднамеренное убийство? Я не хотела, видит Бог, не хотела, но сделала, и вина за это будет преследовать меня вечно. Совершенное деяние окрасило мою душу тьмой, и никакие муки совести не могут стереть этого мрачного разъедающего мое сердце пятна. Руки начинают трястись, сердце болезненно сжимается от осознания недавно совершенного жуткого поступка. Мысли и образы, которые я прежде гнала от себя, разом накидываются на меня, словно завидевшие падаль стервятники...

– Хватит, прекрати! – Тревожный голос мастера послышался откуда-то издалека.

Я взглянула в шар и увидела клубящуюся в нем тьму. Она бурлила, металась, пытаясь выбраться наружу, и все прибывала и прибывала. Женщина произносит какое-то грубое сочетание звуков, и тьма вырывается мне прямо в лицо, на мгновение окутывает тело, а после испаряется без следа.

Медленно отвожу руки от шара, вновь ставшего прозрачным, и поднимаю глаза на мастера. Она смотрит на меня ошеломленно, испуганно и восклицает:

– Откуда в тебе столько тьмы?!

Что мне ответить? Я убила отряд гномов? Я не виновата? Так случайно получилось? Кого-нибудь вообще оправдывали эти слова, когда речь идет о чьих-то жизнях?

Я молчу, и постепенно женщина успокаивается. Подозрительность из ее взгляда никуда не уходит, и в конечном итоге она говорит:

– Это, конечно, ваше личное дело, Митрэ, но я должна вас предупредить, что Академия не предоставляет убежища скрывающимся от правосудия.

– За мной никто не придет, – отвечаю я, и испуг вновь возвращается в ее глаза.

Она нервно садится за стол и указывает мне на стул напротив. Очень тяжело смотреть на нее дольше секунды, не отводя взгляда, но я все же собираю волю в кулак и делаю над собой усилие.

– Это будет известно... остальным? – решаюсь на вопрос я.

– Мы не стражи правосудия. Ваши... прегрешения – это их работа, и если они ничего не нашли, то нас это не касается, – мастер отводит взгляд, но потом продолжает с учительскими интонациями в голосе, меняя тему: – Как вам должно быть известно, немаги могут получить только две квалификации: зельевар и филигранник. В вашем случае, основываясь на природе вашей силы, я предлагаю выбрать первый вариант. Скорее всего, вам будут прекрасно удаваться противоядия и... яды. Темных обычно очень мало, и мастера в данной области весьма востребованы. Но, конечно, если вы хотите выбрать другое направление, вы можете это сделать.

– Нет, все отлично, – несколько поспешно ответила я.

– В таком случае передайте этот свиток дежурному, – она что-то быстро черкает на свитке с моим заданием, а затем протягивает его мне со словами: – Отнесите на факультет целительства и зельеварения. Он справа от главных ворот, светлое здание. Вам выдадут учебные принадлежности, форму и определят в общежитие.

Я благодарю и выхожу на негнущихся ногах. Но стоит дойти до холла, как странное ощущение покидает мое тело. Я поступила. Цена этого очень горька, и я рада, что мне не пришлось делать сознательный выбор между сестрой и другими людьми, чтобы выявить суть. Произошли ужасные события, но они мне помогли. Это факт. И с этим нужно жить. Потому что мне есть ради чего.

К тому же, где еще найти нужное зелье, как не на факультете, куда меня определили?

8

Перед выходом из главного корпуса я глубоко вздохнула, подготовившись, насколько это возможно, к парочке молний, но на крыльце уже никого не оказалось. Обрадованная, я поспешила к дальнему корпусу, что ближе к воротам, втянув голову в плечи и не оглядываясь по сторонам.

Дорожки постепенно заполнялись народом, а я, вопреки здравому смыслу, смотрела не на людей, а под ноги, боясь столкнуться взглядом с очередным желающим пошутить.

Нужный корпус изнутри оказался очень светлым и приветливым. Бежевые каменные плиты плотно примыкали друг к другу, в кадках у широких окон пестрели самые удивительные цветы, а дежурный подошел ко мне сразу, как я перешагнула порог. Им оказался тощий бело-волосый парень с очень тонкими чертами лица и ярким румянцем. Сразу подумалось, что у него есть примесь эльфийской крови, уж больно нетипичная внешность даже на мой посторонний взгляд. Как я уже успела заметить, многие местные имели смуглую кожу разнообразной степени интенсивности, и лишь такие вот светловолосые имеют светлую, практически молочную кожу.

Парень был одет в темно-зеленую мантию, украшенную нарядной серебряной вышивкой. Мне почему-то показалось, что это парадный вариант одежды и он так вырядился только из-за гордости от возложенной на него миссии по встрече новичков.

– Светлого дня, прекрасная адептка! – Он широко улыбнулся, и я не смогла сдержать улыбку в ответ. – Я дежурный, адепт третьего курса специальности «целительство», Милан Эливтэ. Покажите ваши документы, и я вас распределяю.

– Светлого дня, адепт Эливтэ, – ответила я, протягивая ему свиток.

Он вчитывается пару минут, а я успеваю заметить, что он здесь не один. Возле одного из окон болтают еще двое адептов в зеленых мантиях и периодически косят глазами в нашу сторону.

– Пройдемте в кладовую, адепт Митрэ, – говорит Милан, отрываясь от чтения свитка, и делает приглашающий жест рукой в один из коридоров.

Мы идем по такому же светлому проходу, а затем сворачиваем и по небольшой лестнице спускаемся вниз. Здесь под потолком застыли светящиеся холодным белым светом шарики, отчего становится немного неуютно. Мне даже начинается казаться, что я боюсь магии, и эта мысль мне категорически не нравится. Не хватало еще в магическом мире обзавестись какой-нибудь магофобией.

Наконец мы входим в узкую дверь светлого дерева, а за ней обнаруживается что-то вроде широкого прилавка со стеллажами позади. Кладовщица, полная и очень низкая женщина средних лет, окидывает меня неприязненным взглядом.

– Что? – недовольно произносит Милан, тоже его заметив.

– Понаберут всяких, – фыркает она в ответ и, когда я уже приготовилась к отповеди в стиле «не буду обслуживать темную», говорит: – Мелкая и тощая. И узкая в плечах. Тут форму так просто не найдешь.

Она разворачивается и важно шагает к стеллажам, хотя сама такая же мелкая, разве что толстая и коренастая. Милан же тупо уставился на мою макушку, впервые осознав, что я ему только по подбородок. Но дальнейшие слова никак не относятся к этой ситуации:

– Помимо формы, вам выдадут карту территории, расписание занятий и список учебной литературы. В комнате вас ждет первичный набор необходимых для зельевара приспособлений. Занятия начинаются послезавтра, завтра еще один день набора, поэтому вы можете прогуляться по городу. Но вам нужно вернуться к семи часам вечера, в это время состоится инструктаж первого курса.

– Хорошо.

– Также завтра по территории Академии и особенно по территориям других факультетов гулять не рекомендуется, пока вы не ознакомитесь с основными правилами поведения в Академии. Столовая начнет работать только в день начала занятий. Все понятно? – Голос Милана был строг, но на губах играла легкая улыбка. Ему нравилось учить новичков.

Вскоре из-за дальних стеллажей появилась кладовщица. Она заставила меня примерить несколько пар черных туфель, чтобы в итоге дать только одну, самую потрепанную, а затем и высокие сапоги из странной чешуйчатой кожи. К обуви прилагалась одна белая блузка, одни зеленые штаны из грубой ткани, которые следовало заправлять в сапоги и носить в дни вылазок в лес или в теплицы, одну длинную зеленую юбку с высокой талией и вшитым широким поясом чуть ли не под грудь и длинный утепленный то ли сюртук, то ли пиджак. Также мне вручили длинные перчатки из той же чешуйчатой кожи, что и сапоги. Примечательно, что мантии не было в составе формы. Наверное, ее приобретали самостоятельно, чтобы покрасоваться на каких-либо официальных мероприятиях.

После этого мы зашли еще в одну комнату, располагавшуюся в этом же удивительно сухом и теплом подвале, где мне всучили упомянутую карту с расписанием и определили в комнату четыреста тридцать три.

Мы с моим провожатым вновь вернулись в холл и по широкой лестнице поднялись на четвертый этаж, где и находилась предназначенная мне комната. Прежде чем вручить ключ, Милан сообщил, что этот этаж исключительно женский, для всех курсов зельеваров, а ванные комнаты общие для всех на этаже. Впрочем, мужчинам по этому этажу ходить не возбранялось. Порадовало, что хоть комнаты не оказались общими.

Моя комната была маленькой и светлой. Узкая кровать из светлого дерева стояла у правой стены, прямо под окном. Слева от нее находился очень странный письменный стол, вызывающий ассоциации с партами советского периода. Столешница располагалась под небольшим наклоном, но небольшая полоса стола, крайняя к стене, все же была под нормальным углом. Именно на ней стояла темная пирамида со скошенной вершиной и деревянный стакан с несколькими прозрачными стержнями, такими же, какими я писала при поступлении. Также к столу крепилось некое подобие большой тубы, в которой лежали туго свернутые пустые свитки бежевой бумаги.

Между кроватью и столом стояла небольшая тумбочка из такого же светлого дерева. На этом сходство с обычной спальней мебелью заканчивалось.

Вдоль стен, за исключением одной, занятой окном, располагались широкие в длину и узкие в глубину шкафы. Открыв один из них, я обнаружила внутри полное отсутствие полок и наличие множества горизонтальных жердей. В углу находился моток бечевки. Когда первое оцепенение спало, я догадалась, что это место для хранения трав, которые надлежало связать в пучок и повесить на жердь.

Другой шкаф оказался с полками, на которых покоились множество пустых флаконов самых разных размеров, узкий свиток бумаги и такая же бечевка. Наверное, надо писать названия зелий на бумаге и приматывать их ниткой к горлышку. Но полной уверенности в этом не было.

А еще у одной стены, где и была дверь, стоял высокий стол с поцарапанной поверхностью, да к тому же и в странных пятнах. На нем располагалась горелка с разными делениями, от прикосновения к которым возникал огонь разной интенсивности, тренога, на которую крепился поцарапанный котел, ступка, весы, пара ножей, несколько разделочных досок и выбивавшийся из общего зельеварного натюрморта покореженный чайник. Как ни удивительно, все эти приспособления были чистыми, хотя и с разными царапинами, вмятинами и намертво въевшимися пятнами.

Рассмотрев убранство комнаты, я улеглась на кровать с картой, не снимая одежды, хотя бы потому, что переодеться мне было не во что. И где-то на этаже со столовой главного корпуса уснула.

9

Проснулась я от недовольного бурчания желудка и легкой тошноты. Порой, когда мне очень хочется есть, такое случается. Сразу подумалось о горячем черном чае с бутербродом на завтрак, но стоило открыть глаза, как на смену голоду пришел испуг.

Под мягким лунным светом проступали очертания незнакомой комнаты. Сердце бешено застучало, и понадобилось какое-то время, чтобы вспомнить, где я. Неудивительно, что я проснулась ночью, ведь после всех моих путешествий я вырубилась часов в семь вечера. Тут же вспомнила о еще одной проблеме – невозможности сориентироваться во времени. Никаких часов у меня нет.

Вновь прикрыв глаза, я попыталась уснуть, но это оказалось непросто. Никак не выходило из головы ущелье, и стоило вспомнить лицо командира, как сердце начинало щемить, а в горле появлялся комок горечи. Стоило принудить себя подумать о чем-то другом, как вспоминался вихрастый мальчик в пустыне, которого у меня не было ни малейшего шанса спасти. Затем на ум пришел образ сестры, и эта боль была так сильна, что у меня все же не получилось справиться со слезами. Они, непрошенные и нежеланные, полились из глаз, грозясь перерасти в рыдания.

Нет, так дело не пойдет. Мне ни в коем случае нельзя оставаться наедине со своими мыслями. Меня нет. Моих чувств нет. Есть только цель, которую я должна достигнуть.

Напомнив себе об этом решении, я поднялась с постели, пытаюсь различить очертания предметов. Где-то же здесь должен быть свет? Это же этаж не для магов, тут должен быть выключатель для обычных людей.

Я прошла вдоль стен, ощупывая их. Затем похлопала. Скомандовала пустоте: «Свет!» Щелкнула пальцами. Посвистела. Помахала руками, пытаюсь найти нужный жест. Светлее не стало, единственный результат – то, что я окончательно проснулась от такой зарядки.

Вновь сев на кровать, я принялась вспоминать свою комнату, виденную при дневном свете. Каждый предмет. Каждый свиток. Каждую веревку. Раз за разом перебирая в голове виденные предметы, я пришла к выводу, что не догадываюсь о предназначении только одного предмета – загадочной темной пирамиды на столе. Взяв ее в руки, я начала вертеть ее так и сяк, и вскоре удача улыбнулась мне. Стоило провести рукой по скошенному краю, как из него выплыл крупный белый шар, вмиг озаривший комнату ярким светом и испугавший меня до дрожи в руках. От испуга я выронила пирамидку, но шар ничего не поджег. Он завис над скошенной вершиной сантиметрах в двадцати и немного пульсировал. Опытным путем выяснилось, что если провести по скошенному краю вновь, шар пропадал. Но даже при его повторном «включении» я снова шарахалась. Ненавижу магию.

Не зная, когда ожидать рассвет, и понимая, что идти гулять ночью по городу – самоубийственная идея, я вернула теперь уже зажженную пирамидку на тумбочку и принялась вновь изучать карту.

Тонкие линии были окрашены в разные цвета, и теперь я начала соотносить их с факультетами. Здание моего было очерчено зеленым цветом, как и моя форма. Я смогла увидеть на бумаге, как распределены по этажам курсы. Верхние этажи отводились под общежитие, первый – под лекционные залы, второй – под лаборатории. На самом последнем, пятом этаже, часть крыла отводилась под комнаты преподавателей.

Позади нашего корпуса я увидела очертания нескольких теплиц под номерами, огород и лес, который также захватывал территорию соседнего корпуса. Тот мне помнился как высокий и тонкий. Оказалось, что это факультет прорицания и астрологии, и он был прорисован фиолетовым.

Корпус, больше похожий на крепость, принадлежал факультету боевой магии и был прорисован синими штрихами. Но, судя по буквам, всплывающим на свитке вслед за прикосновением к нему пальцев, этажи делились между боевыми магами и ведьмаками. Мерцающее поле позади этого корпуса носило название тренировочного полигона, а за ним располагались ангары.

Вычурное здание по соседству было факультетом артефактологии, где учились артефактники и те самые загадочные филигранники, в чьи ряды я могла влиться даже с моим отсутствием магии. Позади этого корпуса находились металлообрабатывающие и строительные мастерские, а также подвалы. Это здание было прорисовано коричневым цветом.

В главном же корпусе, к которому вела основная дорога, на первом и втором этажах разместились общие поточные аудитории и столовая. На следующих этажах находились библиотека, музей, преподавательские, кабинет ректора, лаборатории мастеров и магистров.

Я пыталась впечатать эту карту в память, водя пальцем по причудливым линиям, но запомнить бесконечное количество аудиторий не представлялось возможным. Хорошо хоть, примерный план остался в голове, а так буду всегда носить с собой карту.

Затем настала очередь изучения расписания. Здесь нашлись такие предметы, как «Теоретические основы взаимодействия зельеварения и целительства», «Травоведение», «История развития магической науки», «Биогеография Смешанных земель», «Основы зельеварения», «Практические особенности сбора трав», «Практические особенности работы с животным материалом», «Сравнительная межвидовая анатомия». В неделю оказалось десять дней, семь из которых посвящены учебе, один – «самостоятельной научной работе» и два – выходные.

На осмотр всего этого ушло немногим более часа, а за окном только начало светать. Желудок нещадно молил о пощаде, чайник привлекал взгляд, но самого чая здесь не было.

Это побудило меня отрезать ножом небольшой кусок свитка, вооружиться стержнем и приняться придумывать, что же мне нужно купить из самого необходимого. Гидеон дал немного денег, да и обещал помочь с одеждой, поэтому я прикину примерный список нужных вещей и потом все у него уточню.

После долгих раздумий я решила, что мне в первую очередь необходимы: местное подобие часов и будильника, затем носки, чулки или колготки, ночная рубашка, полотенце, мыло или шампунь, лента или резинка для волос, сумка для учебников, зубная щетка и зубная паста или порошок. Подумав еще немного, я чуточку обнаглела и включила в список чай, сахар, кружку и ложку.

Когда утреннее солнце начало заполнять светом комнату, я взяла деньги, вышла из спальни, умылась у вполне приличной раковины на этаже и отправилась покорять город.

10

Ранним утром на территории Академии оказалось многолюдно. Пока все были одеты в обычную одежду, без разделения на факультеты. Я принялась юркой мышкой протискиваться между адептами и абитуриентами, стараясь не привлекать внимания и замирая от каждого направленного в мою сторону взгляда. Чертова магия, как же я боюсь, что кто-то ее применит. Но пока все было тихо и спокойно, и я без происшествий выскользнула за ворота.

В прошлый раз за поездку я отдала одну серебряную монету, поэтому вполне могла нанять экипаж еще раз. Хотя было бы неплохо узнать курс медяшек к серебру, но это потом. Адрес Гидеона я помнила, поэтому с транспортировкой проблем не возникло. Разве что лошадь я выбрала медленную, с пожилым возницей и дряхлой коляской, но он и взял меньше – лишь одиннадцать медяков. Это подтвердило мои подозрения, что местные деньги вряд ли имеют эквиваленты в десятиричной системе наших денег.

Дверь прекрасного и огромного дома Гидеона отворила служанка, сразу узнавшая меня. Но надежда увидеть торговца не оправдалась. Оказалось, что он еще ночью уехал по срочным делам в какое-то село, но про меня не забыл, приказав сыну позаботиться о своей подопечной. Поэтому вместо доброжелательного коллекционера мне пришлось иметь дело с хмурым и сонным Рамоном, которого я была вынуждена ждать целый час.

Но в ожидании сына господина Брора на удивление не оказалось ничего неприятного. Утро наполнило меня надеждой, которая появилась в сердце с первыми лучами солнца и расцвела еще ярче после предложенного служанкой чая с булочкой. Поэтому Рамона я встретила в крайне добродушном настроении и улыбнулась его кривой ухмылке.

– Доброе утро! – радостно поприветствовала его я, да так, что он сбился с шага. И тут же не выдержала, выпалила новость: – Я поступила!

– Что? – тупо спросил он. Неужели факт того, что я поступила, может ввести в такой ступор?

– Прекрасное утро, не находите?

– Это вы меня так приветствуете, что ли? – подозрительно уточнил Рамон, наконец дойдя до края лестницы и лишившись опасности упасть со ступеней.

– Ну да...

– Отец предупреждал, что вы не местная и придется разъяснять обычные вещи... Но я не думал, что начну это делать после вашей первой фразы, – он подошел ближе и взял с подноса вторую чашку местного специфического чая. Отхлебнув, добавил: – В солнечные дни принято здороваться словами «светлого дня», в пасмурные – «темного дня», после заката – «темной ночи». Ведь если нет света, в права вступает тьма, и надо отдать честь Темной матери.

Кажется, что-то про Темную мать я уже слышала, но не помню, при каких обстоятельствах.

Рамон между тем не садился в кресло, предпочитая завтракать стоя. Я получила возможность рассмотреть его поближе. В нем, в отличие от отца, было очень мало гномьего, по крайней мере, на первый взгляд. Он был выше меня на полголовы, коренастый, темноволосый и смуглокожий, с резкими чертами лица, словно вырубленными из скалы. Но губы мягкие, красивые. Наверное, он часто улыбался, только не со мной. Для меня предназначался лишь подозрительный взгляд и вытянутые в тонкую линию губы.

Одет сын Гидеона был не по-домашнему. Высокие сапоги темно-коричневой кожи, узкие черные штаны, заправленные внутрь сапогов, небрежно расстегнутый кирпично-красный сюртук из плотной ткани с золотыми пряжками. Этот серьезный и представительный вид портила лишь связка амулетов, висящая поверх белой рубашки, отчего Рамон напоминал средневекового хиппи. Я разглядела перстень с красным камнем, висящий на цепочке, пару продолгова-

тых бронзовых побрякушек, золотую монету с проделанной в ней дыркой, через которую была продета тонкая золотая цепь красивого плетения.

Сделав еще глоток, Рамон отставил кружку и подошел ближе, скомандовав «Встань».

Я встала под его пристальным взглядом. Некстати вспомнилось, что он тоже маг, и сразу же захотелось отпрыгнуть на пару шагов. Но я сдержала этот порыв.

Между тем мужчина протянул руку и отодвинул прикрывающую мои уши широкую повязку. Этот жест был очень личным для меня, но в нем не было ласки, только некая уверенность человека, знающего, что он делает.

Рамон задержал дыхание и спросил странным голосом, вынуждая меня поднять голову и встретиться с ним глазами:

– Тебя пытали? Ты поэтому темная?

Это было так неожиданно, что я даже не сразу нашлась с ответом. Я могла ожидать какого угодно вопроса, но только не такого. Поэтому лишь тупо спросила:

– Что?

– У тебя дырки в ушах. Что за изощренная пытка? – В его голосе сквозило неподдельное возмущение, а я закусила губу, чтобы не рассмеяться.

Что ответить? Отец ему сказал, что я не местная, но не уточнял деталей, поэтому, наверное, можно сказать, что эти отверстия от серег. Но в то же время он так удивился, словно даже не предполагал, что тут могут быть другие варианты. Неужели они вообще не носят серьги?

– Я... не могу сказать, – выбрала я самый безопасный ответ.

Он нахмурился, но теперь смотрел на меня теплее. Наверное, мне нужно было как-то развеять этот обман, но я малодушно смолчала.

Тут я заметила у него в руке странную вещь. Это однозначно являлось украшением, так как было выполнено из золота. Искусное переплетение тонких золотых нитей больше напоминало узорчатую паутинку полукруглой формы, чем какой-либо известный мне предмет.

Рамон аккуратно дотронулся до моего уха, а затем его рука быстро закрепила это украшение на его изгибе. Было немного больно, но лишь долю секунды, а затем до меня дошло, что это каффа. Я никогда не носила ее, предпочитая обычные серьги, поэтому не сразу узнала.

Наверное, мой взгляд был слишком удивленным, поэтому Рамон снизошел до объяснений, выпустив наконец мое ухо:

– Отец велел передать тебе этот амулет против ментального вторжения. Ты не должна его снимать, по крайней мере до тех пор, пока не решишь отправиться... в путешествие. Не знаю, какая между этим связь, он не ответил на мои вопросы.

Мне же, в отличие от Рамона, все было ясно. Гидеон передал, чтобы я снимала каффу перед переходом в свой мир, ведь тогда магия исчезнет. Какой же он все-таки предусмотрительный! Учел вариант, что ко мне в голову могут залезть, и обезопасил меня. К тому же украшение в самом деле очень красивое. Теплое чувство благодарности прочно поселилось в моем сердце.

– Спасибо вам, господин Брор. Прошу вас, передайте и вашему отцу мою благодарность. Он мне очень помог.

Рамон кивнул, а затем сказал:

– Также отец попросил меня сопроводить вас в нашу швейную мастерскую, чтобы вы выбрали себе какую-либо одежду. Я так понял, что с вашим багажом в пути что-то случилось, а платье, в котором вы прибыли, может выдать в вас чужестранку. Поэтому его спрятали в хранилище, на которое вы сами наложили защиту.

– Спасибо, – выдохнула я. Вот какие же они все предусмотрительные! Жаль, что Гидеон занят, я благодарил бы его без конца и без стеснения предъявила бы свой список. Но не попросить о помощи в очередной раз не могу, она мне слишком нужна, поэтому я достала из кармана клочок желтой бумаги и протянула Рамону со словами: – Мне бы не хотелось доставлять вам

трудности... Я думала, что попрошу вашего отца, но так как его здесь нет... вот. Мне нужно еще и это. Я написала только самое необходимое. Простите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.